

СМЕНА

8

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛОВО ВОЖДО

Письма И. В. Сталина стали хорошей, прочной традицией нашего народа. Обо всем, что задумывается и совершается, спешат советские люди сообщить своему любимому вождю.

Успехи социалистического сельского хозяйства, достигнутые в прошлом году, побуждают наших колхозников на новые победы.

Алтайские хлеборобы, как и год назад, первыми обратились с письмом к вождю.

В своем письме И. В. Сталину они пишут: «Сознавая, что 1948 год для сельского хозяйства нашей страны является решающим годом в послесоветской сталинской пятилетке, мы, посчитав свои возможности, широко развлекать социалистическое соревнование между колхозниками и бригадами работников сельского хозяйства, берем на себя следующие обязательства на 1948 год:

Расширить посевную площадь яровых культур на 616 тысяч гектаров, в том числе по яровой пшенице на 439 тысяч гектаров. Таким образом, посевная площадь яровой пшеницы в колхозах и совхозах составит 2 миллиона гектаров и почти достигнет довоенного уровня. Значительно повысить урожайность яровой пшеницы и собрать в немолотую краю не менее 80-85 пудов с гектара». Привели отдельные рекордные звенья, колхозы и даже районы обещают собрать со своих полей стеновой урожай.

Ключ, бронирован алтайскими колхозниками — развитие индустрического соревнования за новый подъем сельского хозяйства в 1948 году — подкачка воздуха.

Во всех краях и областях идет обещание письма алтайцев. Удмуртской, Таджикистана и Узбекистана, выигравшей конкурс и Молдавии, Свердловской Курской и Воронежской областей, лыжников Калининской области, хлеборобы Кубани и Поволжья на собраниях звеньев и бригад, на общих собраниях колхозников ищут все свои возможности и ресурсы, изыскивают новые способы увеличения урожайности социалистических полей.

Хорошая земля, принимающая на себя новые обязательства, обдумывают каждое слово, рассчитывают каждую минуту. В этом видна мелница забота советского крестьянства о процветании своего Отечества.

О своих обязательствах колхозники заявляют всенародно в письмах к их вождю.

Эти письма широко публикуются в нашей прессе, их передают по радио. В них мы видим размах и сплоченную деятельность, с какими успехами творят свое будущее. Уже обнародованы письма колхозников Украины, Кубанской, Воронежской и Крымской областей, колхозников Казахстана.

За словами этих писем, в строгих цифрах их скрывается большая сила и уверенность в завтрашнем дне советских крестьян.

Колхозники, молотки, комсомольцы, подписывая письмо товарищу Сталину, горжественно обещают не ослабить своей авангардной роли и в борьбе за урожай.

Беззаветным трудом на полях мотылем мастера социалистического земледелия добывают небывалые урожаи. Мы верим в это! Ибо что задумывается, то совершается. Грядет могучий сталинский урожай. Поручку этому — слово вождю!

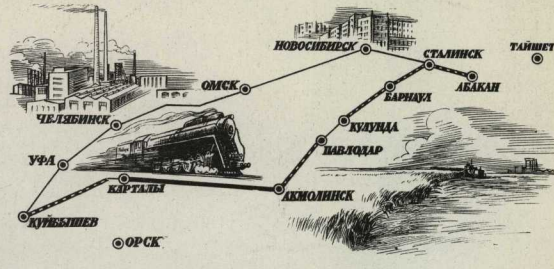

Схема участков Восточно-Сибирской (вверху, толстой линией) и Южно-Сибирской (внизу) железных дорог. Пунктиром указаны строящиеся участки, жирной линией — строительство вторых путей между Карталы и Акмолинск. Тонкой линией обозначены ранее существующие дороги.

ЮЖНО-СИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ

«Между двумя отрогами Алтай, между Кузнецким Алатау и Салаирским хребтом, в холмистой степи с березовыми перелесками, где течет река Тым, приток Оби, лежит огромный пласт каменного угля — Кузнецкий угольный бассейн.

«На огромном пространстве Сибири раскинулись каменноугольные земли, богатый урожаи собирают колхозы.

«На юге Урала, у горы Магнитной, расположены крупнейшие металлургические заводы. Они уют страве чугуна и стали.

Уголь, хлеб и металл — самое главное для страны — будут перевозиться по новой, Южно-Сибирской железной дороге, длина которой — 360 километров.

Она пройдет в районе Кузнецкого бассейна, пройдет через город Сталинка. А раз будет дорога, то можно начать строительство угольных шахт в районе Сталинки. И уголь пойдет не только на запад, на металлургические заводы.

Дорога пройдет через город Акмолинск, Павлодар, Барнаул,

через степные хлебные районы; мимо длинной алтайской жемчужины — Кузундуйской степи; она пойдет на Магнитогорск, где уголь соединится с железной дорогой. Закончится дорога в Абакан. Отсюда пойдет уголь заводы.

Строительство дороги началось сразу на нескольких участках. Между Сталинком и Барнаулом уже уложено 70 километров пути.

метров пути. Но самая трудная работа еще впереди. Линия должна перебраться один из горных отрогов Алтайского хребта. Высота трассы в обход очень далека. Значит, строить нам нужно пробить в горе тоннель длиной около четырехсот метров.

«На другом участке — между Акмолинском и Павлодаром — нужно проложить около 40 километров пути. Но и здесь, строители встретили большие трудности.

«У Павлодара, в пойме реки Иртыша, нужно сделать земляную насыпь высотой в 12 метров. Очень много земли нужно было принести сюда, чтобы при разливе воды не разрушил дорогу. Сейчас строительство заканчивается. Уже сооружена насыпь.

«Десятки экскаваторов роют землю, подготовили путь для укладки рельсов и шпал, но большие трудности. Рабочие одновременно с укладкой путей строят красивые станции, мастерские и дома для путевых обходчиков.

ГОРОД ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Отсюда всего 200 километров до берегов Ледовитого океана. Эти места называли раньше северной дельтой безлюдной «белой пустыней».

Теперь за десятки километров в Большеземельской тундре видны электрические огни нового города, центра советского Заполярья — Воркуты.

Десят лет назад сюда пришли люди, и на 6-8 параллели северного дельтского строительства. В районе вечной мерзлоты были найдены богатейшие залежи каменного бассейна.

Вокруг шахт сначала выросли небольшие горняцкие поселки. Они все росли. В годы Отечественной войны сюда при

ехали железнодорожники. Разросся город Воркута, который объединил все поселки. В городе построены большие дома, школы, больницы широкие улицы. Театр и клуб, школы и техникумы — все, как в любом городе.

По объему добычи угля Воркута — крупнейший угольный бассейн Советского Союза.

Здесь к концу пятилетки будут введены в действие ряд новых шахт мощностью от 15 тысяч тонн в сутки. Уголь Нечерского бассейна.

пойдет для удовлетворения нужд Северного флота, промышленности Ленинграда, а также для снабжения металлургического завода, который будет построен в районе Ленинграда.

Шахты Заполярного Донбасса прекрасно оборудованы. Под землей арго горит электричество, работает оборудование, но рельсам электровозы тянут груженые вагоны вагоны.

«За последние годы в долине полярных шахтеров построены электрические и механические заводы. Этот завод — крупнейшее предприятие Воркуты — изготовляет части для шахтных вагонов, навальников, сверла и другие сельскохозяйственные машины.

Воркута сегодня (слева направо). Одна из улиц города. На индивидуальном огороде. Главный вход на стадион «Динамо».

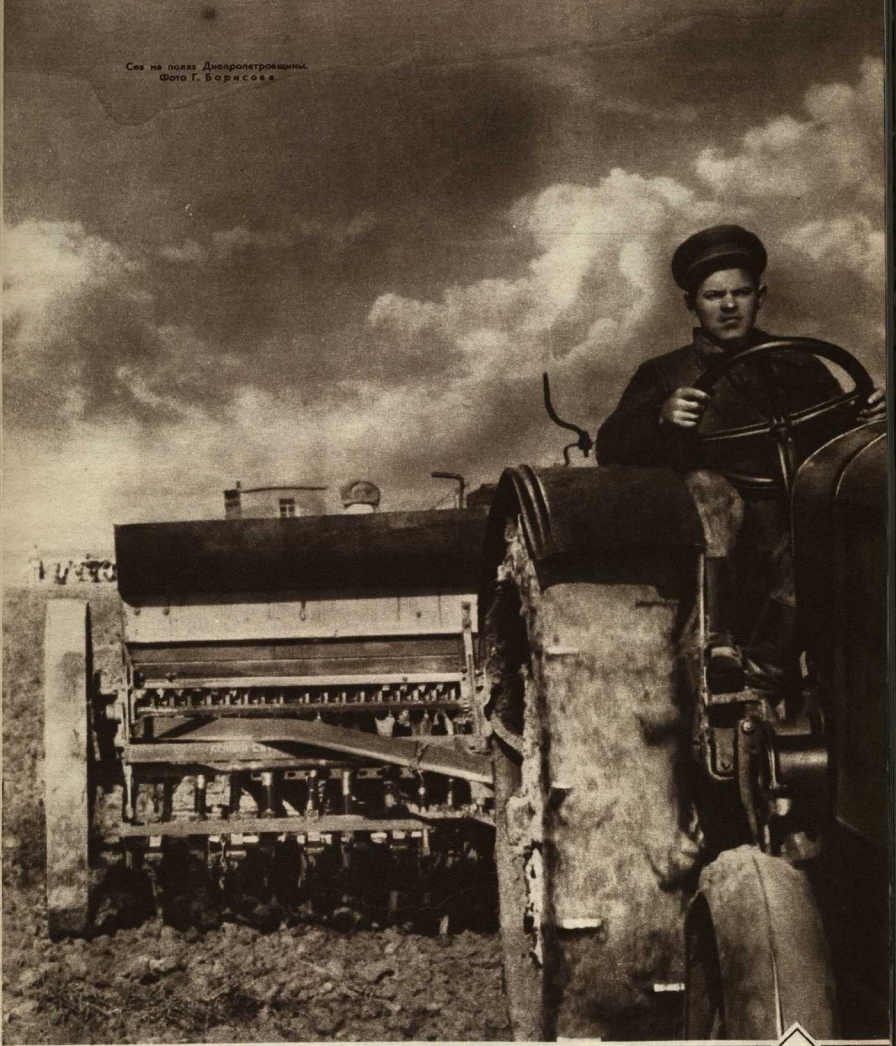

Воркута сегодня (слева направо). Одна из улиц города. На индивидуальном огороде. Главный вход на стадион «Динамо».

Воркута сегодня (слева направо). Одна из улиц города. На индивидуальном огороде. Главный вход на стадион «Динамо».

Сев на полях Днепрпетровщины.
Фото Г. Борисова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8, 1948 год.

Год
издания
25-й

ГОРОД В ТУНДРЕ

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

МЕЧТА

Ты слышишь, здесь, у Северного круга,
Укрыл буран, поэзия занесла,
Оплакал шторм и осыпала снега
Миллионы тонн, миллиарды тонн тепла.

Под снеговой пустыней каждый пласт нам
Своим молчаньем возвестит беду.
Кто может оставаться безучастным,
Когда огонь похоронён во льду!

Сломать его извечную темницу,
Вернуть его энергию жюлье.
Он все: усилъя возместит сторцией.
Он все затраты выплатит с ливхой.

Мне чудится в предутреннем тумане,
В крутящейся арктической зиме:
Огни, столбы, пути, шоренги зданий,
Мой город поднимается во тьме.

Гудят в пути гружёные составы,
И ветры замирают на лету.
Да, есть у нас неписанное право,
Незыблемое право на мечту!

И всё, что мы, волнуясь, пересказываем,
О чём передадим из уст в уста,
Но расплывётся комматным миажжем:
Здесь будет город—вот моя мечта!

НАЧАЛО
НАСТУПЛЕНИЯ

Огонь затеплился в снегу,
И вырос первый дом.
И ветер грянул по врагу
Морозом, снегом, льдом.
Но в грубой будке из досок,
Прибитых кое-как,
Чкал корявый дизельёк
И гнал металл в мерзлак.
Тогда и встал с отрогов гор
Норд-вест—хозяйня вью.
И вышел бурей на простор
На сотни вёрст вокруг.
Но человеку страх не в страх,
Но всё ему с руки.
И ветер рвал в его хострах
Кривые языки.
И обнимал его пургой
Свирепый Хановой.
Но рядом с домом встал другой,
А рядом с будкой—дае.
Но басом пушечной пальбы
До неба ваял барбей,
Врывались римине столбы
В багрово-жёлтый снег.
Где ни шагнуть, где ни свернуть,—
Туман да льдистый хруст.
И воздух тих, как Млечный путь,
Как пошел, мглист и густ.
А ветер, медленный, как век,

Шуршит коростой глин:
— Уйди, не трогай, человек,
Уйди, ты здесь один.
Здесь в сотни метров мерзлака
Законан чёрный пласт.
Здесь белоснежная тоска
К нему пройти не даст.
Ты будешь ждать, ты будешь звать,—
А кто на зов придёт?
Здесь только вьюгам целовать
Потрескавшийся рот.
Не прозвонит твоя струна:
От стужи лопнет медь.
Здесь песня ветром рождена,
Ветрам её и петь.
Как жёсткий мел, суров и бел
Нетронутый покой.
Но человек уже умел
Смеяться над тоской.
И песня южной синевы
Рвалась сюда сама.
И голос дикторов Москвы
Перекрывал шторма,
И с белой наледки антенн,
Со строк тугих томов
Входили Пушкин и Шопен,
Некрасов и Крылов.
Да, человек умел стоять
На скердной земле.
Был дом, был стол, была кровать,
Был жирный суп в котле.
А с юга, руки на руль,
Глаза к бездонным высям,
Лихие лёгчики везли
Тюки газет и писем.

ИЗ ФРОНТОВЫХ
ДНЕЙ

..Где за селом, у поворота,
Густой лопух на тризне пировал,
Перед походом маршевая рота
Под тополками встала на привал.
Сирень опять развесила мониста,
Как бы для встречи чудом уцелев.
И под рукой солдата-гармониста
Гармонь заговорила нараспев:

«Расцвела в саду сирень,
Бархатная свечка,
Платье светлое надень,
Выйди на крылечко.
Я к весне домой приду,
Ты встречай меня в саду,
Где сидели, где глядели
На вечернюю звезду».

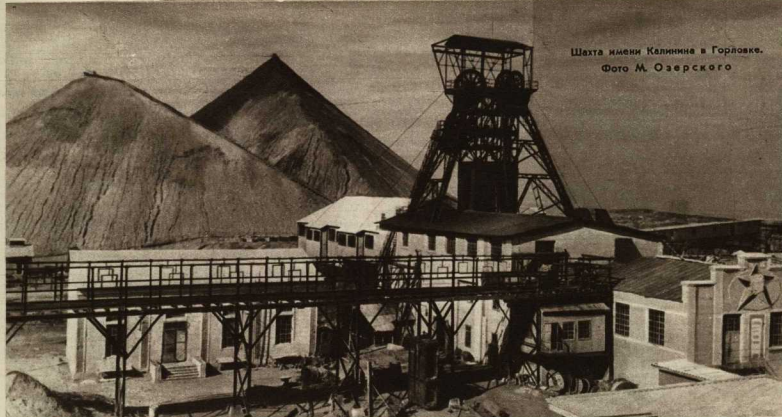
Глянул вкось по лицам хмурым,
Растаяну во весь раскат,
И опять глядит с прищуром:
— Что не пел со мной, солдат?
Что глядишь таким манером!
Или, может, что болит?
Или песню инженером

Петь мамаша не велит?
Что, взгрустнулось или, может,
Выбрал песню не твою!
— Надоел ты мне, Серёжа,
Дай я сам тебе спою:
— Становись, ребята, в круг,
Подавай гармошку.
Ты, товарищ политрук,
Потери немножко...
«Лес вник клонится.
Пыль вдали катится.
Когда фрица разобьём,
Англия спловатится.
Едут морем лорды с лярдом,
Меряют лорды землю ярдом,
Как пройдут четыре ярда,
Просят: дайте два миллиарда.
Лес вник клонится,
Пыль вдали катится.
Когда фрица разобьём,
Англия спловатится».
Так как же, Серёжа, толково!
Не хуже других запевай!
И снова знакомое слово,
Команда:— Кончайте привал.
И снова знакомая трасса
В следах орудийных колёс,
И снова, до лучшего часа,
Гармошка сдётся в обоз.

С ФРОНТА

Вот опять в знакомые места
Привели солдатские дороги.
Здравствуй, город, дерзкий, как мечта,
Вставший в строй по боёвой тревоге.
Здесь вода, да мох над вечным льдом,
Да звенит норд-вест нездешним клиром.
Это я здесь строил первый дом,
Я шагал по тундре с нивелиром.
Для меня здесь грянул первый взрыв.
Я искал здесь драгоценный уголь.
О мюн столбы споткнулась вьюга,
Низкий вой на свист переменя.
Надо мной неделями кречал,
А потом у ног ложился ветер.
Тихиной—концом всего на свете,
Тихиной—началом всех начал.
И глаз слепица пустота—
Бельзине без края и зaslона,
Только цель Уральского хребта
Дальней тучей жалась к небосклону.
По Уралу зубчатый барьером
Тени зданий вытянулись лентой.
Я их помню россыпью карьера
И летучим облаком цемента.
Барбей уголь, медный от заката,
Развалился вкось, в шезлоне.
Я его, как золото, когда-то
Бережно прикидывал в ладони.
Значит, нет таких металей в поле,
Значит, нет такой железной силы,
Значит, нет такой могучей воли,
Чтобы нашу волю покорила!

Шахта имени Калинина в Горловке.
Фото М. Озерского

Встретление в жизнь

Г. ЮРОВСКИЙ

Даже теперь, спустя полтора года, Ваня Вида очень хорошо помнит свой первый день на донецкой земле. Этим же выпрыгнул недавно вечером. Хлестал косой дождь. Пока автомобиль вёз их к руднику, все трое — Ваня, Иллочка и Коля — жалси друг к другу. В школе ФЗО их вымыли, одели, накормили и отвели в комнату общежития.

Было раннее утро, когда они на другой день вышли на улицу.

Три огромных террикона высились над рудником. Возле них раскинулись домики шахтёров, а вокруг лежала бескрайняя хмурая степь, прорезанная линиями железных дорог. Откуда-то издали доносились гудки паровозов и слышны были глухие взрывы, — видимо, из каменного карьера.

— Вот он какой, Донбасс! — сказал Коля Походун.

Ребята молча смотрели на рудник. Здесь им предстоит обучаться горняцкому ремеслу и работать на шахте.

Одногодки и односельчане, они приехали из Западной Украины — краёв лесных, тихих, где неторопливо бегут полноводные реки, у низких берегов шумит явор и протяжно перекаиваются большие плтацы. Ребят связывало старое знакомство, но в это осеннее утро они дали слово всегда быть вместе.

Время в школе ФЗО пролетало быстро, и наконец наступил час, когда им были вручены свидетельства об окончании школы, и, уложив пожитки в маленькие чемоданы, они вышли за её ворота. Коля Походун снял кепку и помахал в сторону белых домиков, где они славно провели полгода. Его лицо было серьёзным. Крепко сложенный, он выглядел старше своих семнадцати лет. Коля решительно сказал:

— Пойдём, хлопцы!

Рядом с ним шагалли худощавый, подвыжженный Ваня Вида и маленький, со вздернутым носом, молчаливый Илья Шымгора.

Хлопцы устроились в общежитии рудника и в первую ночь долго не могли заснуть. Ещё в школе они, конечно, представляли свою жизнь на шахте. И вот эта жизнь на-

ступала завтра. Завтра они придут на работу как самостоятельные люди, настоящие горняки.

На шахте их встретил бригадир Михаил Булгаков, пожилой горняк, недавно вернувшийся из армии. Пока ждали клетки для спуска вниз, Булгаков объяснял новичкам:

Сталино. Жилый дом угольщиков на улице Артёма.

— У нас, братцы, дело серьёзное. И уголь даём и воздух ещё отравливаем. Два дела сразу. Главное — быстрее восстановить шахту. Вот тогда пойдёт добыча. И вы полагю мне на самый горючий участок... Так сказать, направление главного удара...

Клеть доставила их на рудничный двор. Отсюда они пошли на участок бригады, где ещё только началась очистка штреков. По пути то и дело попадались глыбы отвалившейся породы и выворощенные стойки.

Ребята присматривались к новой обстановке и начинали понимать, что здесь, в этой рыхлой породе, или, как горняки называют, «дулощей» почве, не так-то просто ставить крепи.

Правда, в первые дни Булгаков многого не требовал. «Пусть привыкнут», — рассуждал бригадир. Но ребята чувствовали, что старые шахтёры наблюдают за ними. Вся обстановка в бригаде напоминала экзамен, и друзьям хотелось с первого дня показать себя опытными и знающими.

Ребята устанавливали стойки. Ваня подгонял замок — место скрепления стоек. Но дело не ладилось.

По дороге к дому Коля остановился и печеночкой выметил на земле план штрека, в котором они работали.

— Пусть дадут этот участок, и начнём действовать, как в школе. Тогда увидят, чему нас учили... Смотрите сюда, хлопцы.

Он с жаром объяснял. Друзья, присев на корточки вокруг чертежа, даже не заметили, как над ними наклонился высокий человек в ватной куртке и, прислушиваясь, внимательно смотрел на чертеж.

Тайная техническая конференция? — спросил он густым хриплым голосом, который был знаком всему руднику.

Ребята вскопили. Перед ними стоял сам начальник шахты Николай Данилович Касауров. Коля, смущённый, стал заглядывать ногой чертёж. Но Касауров его остановил:

— Постой, постой... Ты и старик разьяси, как крепи ставить...

Коля смутился ещё больше. Однако Касауров заставил его рассказать и выслушал

очень серьезно. Потом он распрострал, откуда они и какую закончили школу. Но вывод Касуаров поразил ребят:

— Мы долго будем работать вместе, хлопцы... Очень долго... Пусть шахта на полную мощность, и станет она давать полторы тысячи тонн угля в сутки... Но несколько составов... Да разве можно не влюбиться в такую шахту!

Касуаров промолчал и добавил:

— А я лет сорок назад никак работать на шахте, и была она мне жаторой. Что до грамоты — и расписываться не умел... На вас смотрю, думаю: наверно, они и в забое блещут и до горного института доберутся...

Не закончив фразы, Касуаров быстро зашагал к шахте.

В бригады, которому назавтра ребята рассказали о своём плане, полностью согласился с ними. Они действовали втроем: Илоша и Ваня подбирали по размерам и подносили стойки, а Коля их устанавливал. Когда ему было трудно, на помощь приходил один из друзей. Они разделили труд и до предела сэкономили время. Этому их учил ещё в школе ФЗО старый мастер Давида Яковлевича: теперь его наука находима успешное применение в трудных условиях двадцать второй шахты.

Давление породы в штреке было очень сильным, и дверные складки—еловые стойки, скреплённые особым способом,—становились одна подле другой, почти без интервалов. Прокладка каждого метра давалась нелегко. Но в конце недели ребята могли видеть, что вырвались далеко вперед. Ровными рядами стояли их крепи, и с каждой сменой они дигались всё дальше и дальше, приближаясь к угольному пласту, о котором говорили Касуаров и Булгаков.

И трое новичков, ощутив свой первый успех, перестали замечать, что сколько под ногами, и каклет сверху, и порой очень трудно одолевать препятствия. Они забыли мечтой о том дне, когда вилотную подойдут к пласту.

В последний день недели Илоша Шмырков, подтянув поставленные крепи, торжественно объявил:

— Хлопцы, сработано за шестерть!

Булгаков одобрил их скупо и своеобразно. — Вы нос-то не забывайте хрену, — ворчливо сказал он, и, как бы смеясь, добавил: — Молодцы, братцы, честное слово, молодцы!

В эти дни Ваня стал вслух рассуждать, что нелепо, дескать, и самим рубить уголь. Ребята с ним согласились. Кстати, подоспел и набор на курсы помощников машинистов врубовых машин. Как бы незначит Ваня сказал Булгакову, что они неперчь учиться на курсах. Тот пристально взглянул на Ваню и ответил:

— Дума хорошая... Тут тяжелолато, но мы как-нибудь справимся... Я скажу в конторе, чтобы вас оформили...

И смутливо, что Булгаков так просто и легко отпускает их с шахты. Несколько озадаченные этим, ребята зашли в контору получить документы.

— Нет, хлопцы, тут что-то неладно получилось... Слово даю, бригадир подумал, что мы удрать хотим с тяжёлой работой.

Девушка, которая выписывала путёвки на курсы, уже четвёртый раз вызывала их, чтобы они взяли бумаги. Коля подошёл к ней и сказал:

— А наверно вы шумите... Вычеркийте три фамилии: Вида, Походун, Шмырков...

Около табельной их встретил инженер Чалый. Узнав, что они остаются на шахте, Чалый похвалил:

— Через недельку две закончим проходку, и тогда учиться на здоровье... Прямо скажу: в горячую пору обидно отпускать таких, как вы, крепильщики.

В эту минуту они ясно ощутили, что их труд нужен району, что у них уже есть своё место в большой и дружной семье шахтёров. Пусть они ещё не получили признания своих заслуг, но разговор с инженером означал очень многое.

Они снова спустились на шахту. Коля показал друзьям на подготовленные стойки и улыбнувшись, крикнул: «Начнём!» Ребята засмеялись, они по-настоящему обрадовались, войдя в «свой» штрек. Здесь любая крепь напоминала об их упорном труде.

Очень хорошо, что они вернулись на свой пост.

Булгаков не удивился их возвращению. Он даже не поинтересовался причиной. Ребята почувствовали себя немного обижёнными и решили, что тут кроется какая-то загадка.

Наступил решающий день борьбы на участке бригады.

Последнюю баррикаду перед угольным пластом брали в ночную смену. Завтра сюда должны прийти забойщики, здесь запрокут врубовки и копейеры. Ребята испыты-

вали лихорадочный подъём— состояние, которое можно сравнить только с азартом бояща, ведущего схватку. Они пострагаливали друг друга и ругали десктона за то, что кто плохо доставлял лес. Следом за булгаковской бригадой шли монтеры, электрослесари. Они тянули силовые линии, подтащивали механизмы.

Булгаков был озабочен. Он подозвал к себе людей.

— Серьёзное дело, братцы, — говорил Булгаков, — работы ещё во сколько... А срок сдачи участка утром... Нас, конечно, с лесом подвели, но это никому не интересно... Обязательство наше в газете напечатано... Теперь разве можно отвечать!

Булгаков говорил спокойно, но в голосе звучала глубокая тревога. Ваня посмотрел на друзей и, выступив вперед, твёрдо сказал:

— Мы не выйдем из шахты, пока не сдадим участок.

Он указал это на имени только своих друзей. Но старые шахтёры дружно его поддержали:

— Правильно... По местам!

И тогда Ваня понял, что он говорил от имени всей бригады, что чувства, которые в эту минуту выладели сердцами трёх друзей, выладели всеми шахтёрами, трудившимися рядом с ними. Сознание кровной связи с большим коллективом пришло так внезапно, что ему казалось, будто он впервые увидел этих горняков.

События, которого с таким вынуждением ожидали друзья, свершилось просто: ушла последняя вагонетка породы, поставлена последняя крепь, и в неперчь свете шахтёрских лампочек перед ними предстал ядрог угольный пласт— чёрный, чуть глинянчатый. Этот уголь был нужен стране, его требовали домы, прожорливые топки пароходов и океанских судов, коксные батареи и химические заводы.

Перед тем, как выйти из штрека, Михаил Булгаков подошёл к ребятам, похлопал их по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Я тогда знал, что вернётся... Всё равно, думаю, они и с курсов вернутся... Разве ж можно бросить такую работу?

Они поднялись на поверхность. Теплился серый зимний день, падал мягкий снежок... И всё, даже самое обычное, было прекрасным в этот несомненно победный день, хотя и не отмеченный в календаре.

Сергей ВОСКРЕКАСЕНКО

НА ДОНБАСС

Я-то знала, понимала: уголь, словно хлеб, для нас.—
Убеждала я подружек ехать вместе на Донбасс.
А уж если загорюся я, улеву всё белый свет.
И тогда меня в работе горячий на свете мет.

Важно и в делах житейских
И в сердечных знать одно:
Всё равно,
Что бы ни было с тобой,—
Если делать, так с душой!

Я к подружкам не ходила, а по воздуху плыла,
Сорок душ завербовала, в том числе сама была.
Мы гордялись, ликовали, отправляясь на Донбасс.
Только хлопцы глаз печальных так и не сводили с нас.

А процанье наступило—
Было нелепо оно.
Всё равно:
Если хлопцы любят нас,
То приедут на Донбасс.

Как мы прибили на шахту, как добрались мы туда,—
Всюду мусор да обломки, лопух да лебеда.
Где ни станешь, как ни глянешь,—ни кола и ни двора,
И так в Донбассе скажут,—ни ствала и ни копра.

Мы и там не растерялись
И в сердечных знать одно:
Всё равно,
Лучшая идёт пора—
Будет уголь не-гора!

Понежало немало нас туда со всех краёв:
В шахту нас послали Сумы, Коломыя, Харьков, Львов.
Всё от нас дад машины, и скажу я вам без прикрас:
Ленинград нам поднимает Украину и Донбасс.

Нам под флагом коммунизма
Здесь собрался суждено.
Всё равно,
Пусть хоть буря, ливень, град—
Дело движется на лад!

Руквами мы засучили, подались на пистури,
Тридцать месяцев трудились от зарн и до зарн.
Из обломков стала шахта раскрасавца-краса.
Раньше лишь во нас являлись нам такие чудеса.

Разве ж мы не горючили
Это самое давно:
Всё равно:
Здесь поднимутся леса,
Шахта вырастет краса!

А когда мы первый уголь подавали на-гора,
Всё захлопали в ладоши, громко крикнули: «Ура!»
Хлопцы ж раннего весною вслед за нами—на Донбасс:
Видно, совесть есть у хлопцев, видно, крепко любят нас.

Важно и в делах житейских
И в сердечных знать одно:
Всё равно,
Что бы ни было с тобой,—
Если делать, так с душой!

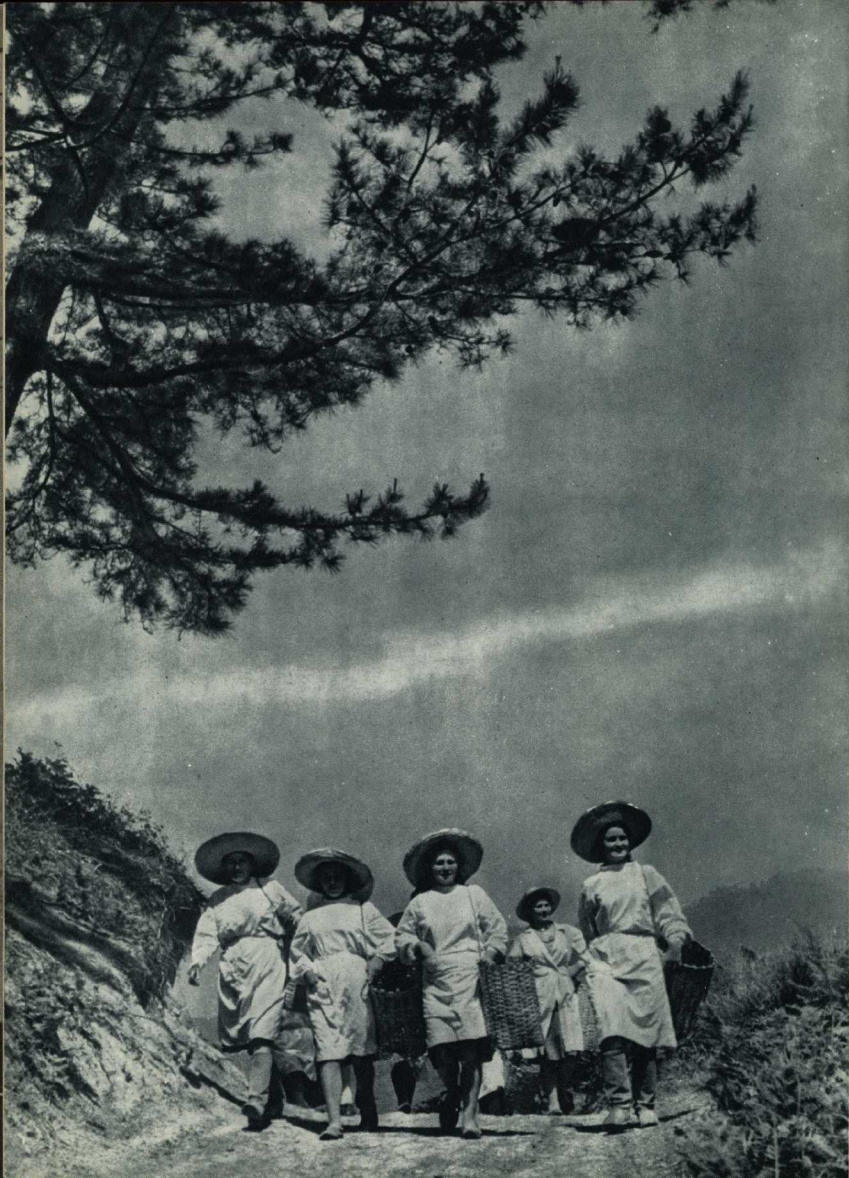
Перевёл с украинского
Г. АБРАМОВ

Черноморские этюды.

Фото А. Узляк.

РОЖДЕНИЕ ГИГАНТА

Асфальтовая лента шоссе Могилёв—Минск бежит среди невысоких покатых холмов, поросших сосняком, мимо толстых берёзовых рощиц.

«...Скорю Минск. Чем ближе город, тем оживленнее становится на шоссе. Мелькают трубы кирпичных и лесопильных заводов, рабочие города, площади восторженно с шумными железными колоннами воздушных цехов, гремят семафоры экскаваторов, ползённые краны легко несут по воздуху многоэтажные фермы, визжат пилорамы, и синими троскунами молниями рассыпаются пламя электросварки.

Значительная часть Минска ещё лежит в руинах, а здесь, вдали, вбок, по обе стороны шоссе возник новый огромный промышленный район. Здесь строятся крупнейшие заводы. И среди них тот, которому гордится вся Белоруссия, — Минский автомобильный завод.

***

Белорусские автомобили!

До войны мы слышали о белорусской фанере, белорусских спичках, белорусских стенах.

После жестоких унижений войны в крупных городах Белоруссии не удалось ни одного промышленного предприятия.

Достаточно велика была задача простого восстановления того, что было. Но партия поставила вопрос иначе: не просто восстановление, но и новый скачок в индустриальном развитии республик! Было решено создать новые отрасли промышленности: тяжёлого машиностроения, авиационную, инструментальную, тракторную, автомобильную... В пятилетнем плане появились пункт о строительстве в Минске завода тяжёлых грузовых автомобилей.

Завод будет гигантским и совершенным. Он выйдет в свои годы новейшие достижения техники. Литейная часть оборудована большими турбинами электромеханики непрерывного действия, которые позволяют максимально сократить время производства отливок. В кузнице частоты. Бесчисленные конвейеры, транспортеры, моренорельсы свяжут все цеха в одно целое. Автоматизированные линии позволят выпускать продукцию с минимальной затратой человеческой энергии.

Самой трудной проблемой стройки вначале была острая нехватка людей.

— Надо бросить князя Модецкого! — решили большинство белорусов. — Пусть окажется своё слово комсомолец!

Это был точный адрес.

— В Минск! — призывно завылено на комсомольских и молодёжных сходках. — На Автострой!

Сюда приехали и вчерашние партизаны из бригад Заслонова и батьки Миныя, и крестьянские парни из западных областей, никогда не слышавшие фабричного гудка, и возвращённые из немецких лагерей, десятка, и сельские активисты, и воспитанники из детских домов.

Армия строителей стала лагерем в лесу. Жили в наспех сколоченных бараках, в присутствии палатках, в землянках, оставшихся от дивей войны.

В те дни строительный комитет комсомола стал боевым штабом. Здесь формировались лучшие, ударные бригады каменщиков и штукатуров, отсюда распространялся по всей стройке левский молоток.

Летом 1947 года уже были построены пресовый, инструментальный, литейный, экспериментальный и ремонтный цеха, десятки жилых домов.

Центральным комсомолом строится встал по весу роль главной задачи — овладеть технологией автомобильного производства.

***

Моям прозванием по заводу был Иван Ильич Петкевич, начальник экспериментального

цеха. Сын минского железнодорожника, старый комсомолец, он до войны окончил промышленный факультет Академии инженерия и моторостроения Советской Армии. Несколько лет работал на оборонных предприятиях. В 1946 году Иван Ильич Петкевич добился перевода на работу в родной город.

— Решил посмотреть наш завод? Хорошо! — радужно встретил меня инженер, протягивая руку. — Ну, что вам показывать?

Я сказал, что меня интересуют люди.

— Походите знакомиться! У нас тут работают следом моделисты, Вчерашние ремесленники. Обратите внимание вои на того паренька... — Он кивнул головой в сторону юноши в замасленной спешковке, который с озобаченным видом ковылял и раскрасот моторе одной из машин, везу к ней Игнатий Дрозд. Он у нас считается спецом по электрооборудованию. А ведь ему ещё восемнадцать лет. Только год, как из ремесленного пришёл. Знаете, я в нём себя узнаю. Я тоже когда-то был вот таким жалким вези техники, пытливым, настойчивым... Правда, предельном моих желаний было стать паровым машинистом. А этот, наоборот, мечтает быть автоконструктором. Героем Социалистического Труда, дурачком, — не мешайте! И вы, Иван, выйдите побывать!

Мы шли вдоль ряда незаоконченных сборочных машин.

— Хотим к концу месяца сдать ещё пять пробных машин, — рассказывал Петкевич. — Ни кто в рабочих не считается со временем. Мои двое друзей: Николай Суша и Михаил Крук. Наши лучшие стахановцы. Оба из одной деревни. Суша у нас — секретарь комсомольской организации. Замечательный парень!

Мы проходим литейным, деревообделочным, пресовым, ремонтно-механическим цехами — всдуку кипит работа.

И хотя некоторые цеха ещё стоят с незастроенными стенами, хотя ещё нет монтаж цехов протёров и ящики с нераспакованным оборудованием громадятся целыми горами, завод выпускает первую свою продукцию. Стройка и производство первых узлов автомобильных совместились во времени. Время торжества людей. И люди не хотели отставать от времени.

Я узнавал всё новое и новые подробности о молодых автозаводах, об их производственной инициативе, технической смекалке.

Недавно произошёл такой случай. Надо было расточить отверстие в верхней части десятидюймового пресса. Пресс был высотой в 2 метра, а станок подавал вал с фрезой высотой на высоту в 14 метров. Как бы быть? Вышел наш комсомолец Сергей Коробальников. Он предложил увеличить высотный диапазон работы станка, связав станок с отдельным рсточным валом. Так и было сделано. Предложение комсомольца блестяще себя оправдало.

В литейном мы разговорились с пирожковидней зеленелогом Налей Канюкис; по проекту комсомола она приехала сюда из Пуховичского района.

Меня сначала послали во дворничий цех. Уборщицей, значит. Мне обидно стало. Я в колхозе бригадиром была, а тут с метлой. Пошла в комитет: назначайте на производство. «На формуючку пойдёте? — спрашиваю. — Почему не пойдёте? Прикрепиле меня к мастеру Дуброву. Месяц была у него ученицей. И вы вот видите... Самостоятельно формуру картер коробики и уже других учю!»

В деревообделочном цехе я познакомилась с комсомолками Васькойной Фоминичной. Это один из самых активных людей Белоруссии. Свою янятку Софроню выносила ещё в ноябре прошлого года. Он очень скромно, этот лебодий-заводиваний вои, смущенный вынуть весь чед работать формуру картера и моторостроения, рассказывал про молодых столяров Милановича, Лозована, Петляшко, Ширез:

— Хлопцы только два месяца, как ремесленное окончили. Поручили им освоить кабинку для «МАЗ-300». Знаете, дело ноево, сложное. Боялись, что ничего у них не выйдет. Это ж надо было из граба и дуба выпилить и обстрогать такие детали, каких мы ещё никогда не делали. И что вы думаете? Справдились, хлопцы! Выходим в цех штаба. Мастер Максимов говорит о своих учениках:

— Сначала делали сплошной брак. Вот, например, Вася Тромон. Он мне подарял две партии поворотных кулаков вапорлов. Стая я с ним специально занимаюсь. Всё ему на практике показываю: как наладывать станок, как крепить деталь, как за инструментом ухаживать. И выправился хлопеч. Сейчас, смотрите, на двух станках уравнивается! Да разве он один? Вся молодёжь бригады теперь на доске почита. Освоили переноску ось, центральный тормоз, карданный вал. Теперь дело у нас пойдёт!

***

На нашей памяти рождение другого автомобильного гиганта. Это было семидеять лет назад. На болотистом пугаре возле города Горького тогда основали завод близким городом — закладывались первые корпуса заводу, которым ныне гордится вся страна.

Строителям первых автомашин не у кого было учиться.

Я помню учебную базу на Горьковский автострое: в голым бараке не было ни одного станка. Крутил оськи с ступицками обрешкал блок. Держа на коленях доски, они решали математические задачи.

Преподателей по автоделу являло было трудолю. Людей, обладающих знанием современного автомобильного производства, было тогда ещё очень мало.

Многие из молодых людей получают производственные командировки на ЗИС и ГАЗ. Они возвращаются в Минск, вооружённые опытом, полные радостного нетерпения — скорее стаят к станку.

Есть волжущие черты, рождающие всех строителей стальных пятиуголов.

Это оскрёдность людей, покороющихся времю. Счастье большинствамих металелы, твердо уверенных, что мечта их скоро претворится в жизнь.

Комсомолами Минского автозавода часто думают о будущем. Они ясно видят тот день, когда с конвейера оборочного цеха будут спадать новые машины с маленьким металлическим зубром над радиатором. Тот год, когда колонной выпущенных заводом автомобилей можно будет заполнить всю длину автомагистралей Минска — Москвы. Когда вокруг авиационских корпусов вырастет прекрасный город с кратчайшими многотажными зданиями, клубами, театрами, автокинотеками, гостиницами, поликлиниками...

Я слушаю мигчак, а в памяти всплывают кадры: тридцать первый год, берер Оя, палатки комсомольцев в зонкике, задорные песни, которые они распевали, возвращаясь с работы. Имие песни поёв огодия молодёжки, иными словами выражает свои заветные мысли, но есть что-то общее, связывающее адоление людей трудом — это модабская сорочковья юбка. Бессмертен боевой дуд левинского комсомола, бессмертны его лучшие традиции!

Мальчишка Америка

Рассказ

Алёшка привёз в Сосновку Иван Кузьмич. Уезжал он в город за сбрёй одним, а вернулся вдвоём с незнамо-м мальчишкой.

Из она правления было хорошо видно, как они поддежали. Правил лошады мальчишка в кепке, перевернутой котрыком назад. Он стоял на колених, поминуту дёргал ножки и отчаянно крутил над головой кнутом. Но ему так и не удалось с шиком подкатить к крыльцу. Не такой нрав был у этой серой кобылы; она равнодушно переставляла ноги и время от времени, когда кнут свисел с шиком уже надлегло, недоважно стрихивала головой.

Мы с председателем колхоза вышли на крыльцо. Иван Кузьмич вытятился изо рта трубку и поздоровался. Мальчишка молча кинул головой. Лоб и вздёрнутый кверху нос его были вперемежку с веснушками усевены мелкими частыми капельками. Он уверенно смотрел на кобылу и слегка похлопывал её кнутовищем.

Пока Иван Кузьмич разговаривал с председателем о покупках для колхозной библиотеки, пареньёк достал из-под соломы небольшой вешёвой мешок и начал старательно приставлять его за спину.

— Постой, Алёшка, — сказал ему Иван Кузьмич, — до самого дома доедем.

Председатель обратил внимание на мальчишку:

- Паря-то откуда прихвятил?
- Из города.
- Далеко едет?
- Это себе принёз, пусаяк поживёт. Пареньёк, должно, самостоятельный. В городе повстречал. Стоит у вокзала и, по всему виду, не знает, куда податься. Я приметил: мальчишке не по себе; разговаривал. К дяде прибыл на железисте. Да пока добили, дядя-то на Камчатку уехал. А по дёгтям у него выходит: ни вперёд, ни назад движения нет. Правильно говорю, Алёшка?

Верно, — ответил тот, настороженно поглядывая на мальчика.

Война многих людей разбрехала по всей стране. Иные оказались без дома и без родни, приживались на новых местах. В той же Сосновке в своё время осело несколько женщин с ребятами. Теперь им уже и дома построили и помогли хозяйством обзавестись. Поэтому появление Алёшки не удивило председателя. Он только спросил:

- Из каких краёв твой Алёшка-то?
- Из каких краёв? Американский он.
- Чего-то? — воскликнул председатель.
- Американский, говорю, Из Америки, значит. Верно?
- Факт, — подтвердил задорно Алёшка, и оба они с Иваном Кузьмичом улынулись.
- А ну тебя! — махнул рукой председатель.
- Любیش приврать.

— Когда ж это я врал-то? — с обидой спросил Иван Кузьмич, продолжая, однако, улыбаться. — Ей богу, говорю вам: американский.

Ивана Кузьмича действительно трудно было обинять во вранье. Но как-то всегда в его рассказах истинные случаи облекались в такие формы, что верили ему с трудом.

Председатель, так и не поняв, правду или нет, повторил Иван Кузьмич, ещё раз махнул рукой:

— Поезжай... Старухе басын рассказывать. На другой день после посещения и прибытия на приставку встретил парочку с верховья. На берегу было пусто. Уже этутою неделю шёл сенокос, и почти все, что мог держать в руках косы или грабли, переправившись на остров. Только двое ребят, примостившись над обрывом, ожидали пароход. Они сидели

без рубах, загорая на солнце. Я устроился неподалеку от них.

Одного из ребят, сына везенной, Мишу Зыкова, я заметил. В свои пятнадцать лет он был уже заметным человеком в колхозе. Никто не мог лучше его увлечь школьником на какое-нибудь неотложное дело для колхоза дело. В этом году ему же поручили руководить за сенокос небольшой бригадой подростков, и только разбавленным нескладицей тогда задержала его в селе. Числился за ним, однако, и дела совсем другого свойства. Однажды Миша увёл несколько ребят в тайгу на поиски горького ключа. Три дня их разыскивали, всё село пришлось поставить на ноги. А Миша потом удивлённо пожимал плечами: «Чего шум подняли, не пойму! За море уехали, в тайгу съехидли».

Среди сверстников слово Миши Зыкова имело большой вес. И было удивительно, что сейчас его товарищ так упорно не желает соглашаться с ним.

— Ты что, Виктор, не знаешь Ивана Кузьмича? — говорил Миша, — Выдумал, а потом сам наверх поднимает тех, кто повел иму. И вот тебе тоже. Хорош американец, — кнуросил!

— Говорю тебе, сам видел. Своими глазами! — горячился Виктор.

— Что видел?

— Метрику, — серьёзные глаза Виктора весело блистали; он явно торжествовала свою победу в споре: — Алёшка этот спал, а Иван Кузьмич дал мне посмотреть.

— Ну и что?

— Написано: «Америка». А подумал ты, как он попал туда?

— Сбежал, наверно. Помнишь, как два мальчика у Чехова?

Андрей ДОСТАЛЬ РОВЕСНИКУ

Я знаю, где ты —
на полях,
где родится пшеница,
и новой шавы Довбисса
Спускаешься утром за зобой;
Ты склонился над кингой
В сверкающих залах столицы,
Ты стоишь на посту,
а у ног —
Океанский прибой.
Я знаю, где ты —
У пылающих заревом домен,
Ты в полях снега
Открываешь руду,
И в янгу твоей путь —
он огромен,
на виду!

Это значит, ты весь
на виду!
Комсомолец, товарищ,
ровесник,
взвешив,
Жбоишь снега в цвету,
слышишь,
Ветер несёт тебе песню,
ты её подзвати
на лету!

— Э-эх ты, голова! — с жалостью посмотрел Миша на товарища: — Умник. Какой дурак побойки в Америке? А пограничники? Что ж, по-второму, наши пограничники пропустят такого сыпьяка?

— Это верно... Миша, облокотившись о колено, внимательно разглядывала реку. Хотя безважно дескток, дескток, дескток между песчаными островами. У старой Халды, замешавшей прикол, всплеснула хвостом крупная рыба. Тут было тылое место, и по воде долго забегались крутья.

— А знаешь что, — заговорил Миша, проводя ладонью по лбу. — Так ещё может быть. Попал твой Алёшка в окуляножку к немцам, а потом американцы его к себе завезли.

— Никто его не завозил, и никогда он не убежал. Забыл я. Там же написано: «Место рождения — Америка».

— Ну, а так я и совсем не верю. Как-нибудь фокусы Иван Кузьмича.

— Тебя разве переспорить? — почему не переспорить? Докажи.

— И докажу.

Виктор горячился всё больше и больше. Он размахивал руками, летучим насканивал на товарища, и даже рижие волосы на затылке у него торчали, как перья. Миша отвечал спокойно, невозмутимо, и, видимо, это больше всего выводило из себя Виктора.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы у них этот бесплодный спор, если бы не Черуе не появился Алёшка.

Он подошёл к самому краю яра. Увидев ребят, сделал было шаг в их сторону, но тут же остановился, отвернулся и начал всматриваться во что-то на том берегу.

Алёшка был во вчерашней кепке, но теперь котрыкёк её спускался до самых глаз и прикрывал половину лица. Рубаха, должно быть, переищуто из солдатской гимнастёрки, туго стягивал широкий, тоже солдатский ремешок. Оттого, что ремешок был очень широк, а тяжёлые ботинки на ногах явно велики, Алёшка выглядел шутовским и показались мне меньше, чем вчерашний.

Он стоял на краю яра, засунув руки в карманы, и независимо смотрел на того берега.

— Ребята с его приходом замолкли. Потом начато чём-то шептаться, потихоньку поглядывая на Алёшку. Я заметил, что и он тоже чуть-чуть косил глаза в их сторону из-под котрыкёк своей потрёпанной кепки.

Выдержав ихнатию минуту, Виктор, — «Эй, тарелки! — крикнул он. — Чего там стал? Иди к нам».

Алёшка сразу же обернулся, но подошёл, не торопясь, поздоровался, неловко, как все подстыдил, протягивая руку, называя себя: «Поседей» — присел на рядок.

— Ты рубаха бы снял, — посоветовал ему Миша. — Жара.

Трудны первые минуты знакомства. Нелегко найти нужное слово, которое сразу бы, как золотым ключиком, открыло двери в простую и задушевую беседу. Перебираешь сотни слов, но то, единственное, никак не приходит, и затнущавшее молчание становится всё более томительным. Они молчали ещё, видимо, потому, что Иван Кузьмич одним своим словом разделил их на два мира, и мальчишка с золотыми несущками на круглом лбу вдруг предстал неизвестным для наших мест человеком.

Хорошая река! — заговорил наконец Алёшка, и подальше бесполовая голышка. Ишь, вертит как! Криски-и-ван!.. А есть и крашнев.

— Это где же? — встрепенулся Виктор. — Не в Америке ли?

— А хоть бы и там.

— Слушай, парень: ты нам не крути полова. Миша говорил строго, и голос у него срывается на басок. — Не маленькие. Разглагольствует, что ли, Иван Кузьмич? Ну Иван Кузьмич — одно дело, а ты — другое. Лучше говори прямо, по-честному. Это звучало почти утробой. Алёшка намурился. Но тут же у него по-вчерашнему озорно блеснули глаза. А может быть, это солнце, играя в воде, на секунду отразилось в них?

Правду говорит Иван Кузьмич. Слова эти были сказаны так открыто и простоудно, что ребята, кажется, сразу и до конца поверили ему. Они даже отодвинулись немного и внимательно, как будто настроженно стали разглядывать Алёшку. Теперь бы надо было спросить, как же он попал туда или как заехал в наши края, но от необычности положения ребята словно растерялись. На Алёшку посыпались беспорядочные вопросы:

— Там и родился?
— Ну да, а где же? Факт, там.
— Ишь, ты! Значит, и капиталистов живых видел?

— Подумашь, чудо! Этого добра там... Плюнь — попадётся в буржуа.

— На пароходе пылал?
— И небоскрёбы выдал?
— И пароходом и поездом. По-всякому ехал. А небоскрёбов там этих наставлено, вроде леса. Аж солнце не видно, тоска!

— А в деревне есть трактора, комбайны?

— Да нет. Только у богатеев. Там ведь всё единоличники, а разве один с комбайном управившись?

— Не единоличники, а фермеры. Ну, это всё равно.

— А правда, негрот там никогда не пускают, в клуб или на собрание какое; и вообще негр — это вроде и за человека не в счёт?

— Факт. Бывает, прямо на улице убивают, гады.

— Ну-у, прямо на улице? А чего ж народ смотрит?

— Народ? Так у них, у этих буржуев американских, пулемёты, гранаты. Чего сделашь голыми руками?

— И ты, значит, тоже так: стоял и смотрел?

Этот вопрос задал Миша. Он испытующе взглянул на Алёшку. По тому, как у него сжались губы и сдвинулись брови, можно было понять, что от ответа зависит весь ход разговора в дальнейшем.

Алёшка неожиданно расхохотался. Он точно взорвался смехом. Острые лопатки его начали быстро-быстро двигаться и долго не могли остановиться.

— Да ну вас! — выдохнул он наконец. — Надоело. Вот чудак! Ну, факт, я из Алабамы и родился сам. Только это деревня наша так называется — Америка. На Дону она. На самом берегу Дона стоит, вроде как ваши на Зее. Вот и всё.

— А-а-а!

— Вот как, значит!..

Голосое разочарование звучало в этих коротких восклицаниях. Миша и Виктор равнодушно, а может быть, даже с некоторой неприязнью смотрели на нездешнего мальчишку в кепке, надвинутой почти до самых глаз. Он потерял для них какой интерес, и было обидно, что они дали возможность так легко поддуться над собой. Простой мальчишка, каких много в каждой селе, ну как можно было поверить Ивану Кузьмичу?

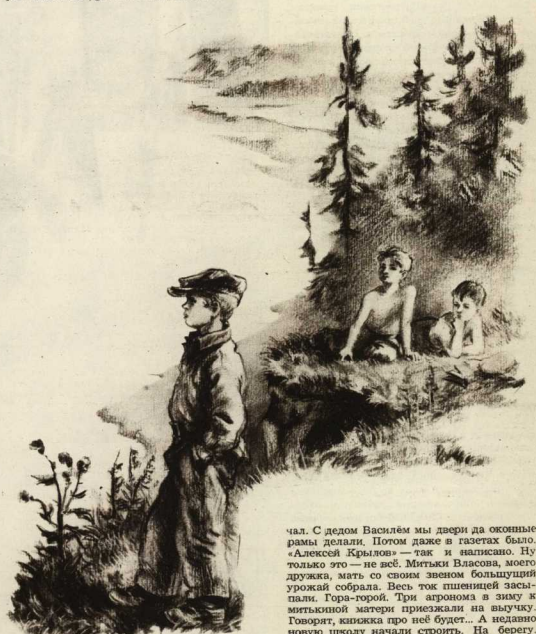
— Деревня так называется, понятию... Ага... Пароход оплавывает, Виктор. А может, ещё и не приедет твой отец?

— Нет. Телеграмму прислал. Обязательно приедет.

Алёшка был окончательно позавист. В этой небольшой группе он вдруг остался совершенно один. Ребята разговаривали между собой, всматривались в речную даль, прикрыв ладонью глаза, и всё это делалось так, будто низкого Алёшки здесь никогда и не было.

Ребята всё разговаривали, а мальчишка с дальнего Дона сидел в полном одиночестве. И всёяла наша река, должно быть, потеряла для него всякую прелесть, потому что смотрел он теперь вниз, на желтую гилуу яра. Наверно, он жалел, что Иван Кузьмич зателл всю эту историю с Америкой. Почему бы ему сразу не сказать ребятам о странном названии своей деревушки — и тогда всё бы пошло по-иному.

Но я не угадал ход алёшкиных мыслей. Он вдруг бросил на землю кепку и заговорил. Голос его дрожал и прерывался:

Он стоял на краю яра, заснул ружьи в карманах...

— Эх, вы!.. Ничего вы не понимаете. Про Америку вам интересно, а про Дон, значит, нет? Так? Хорошо. А вы знаете, что наш колхоз «Светлый» — самый напередовый во всём районе? Вы тут никогда такого и не видели.

— Ну да, не видели... Но Алёшка словно не слышал этой скептической реплики Виктора.

— Около нашей деревни самый страшный бой с немцами был. Сколько их там положили — отравил! Одних танков побитых, может, сто штук унесли. Ну и они, гады, копы да ухваты, сошки колхоз. Ни одного двора целого, только трубы торчат. И людей много погубили. Мамку мою вот тоже убили, один я остался. Когда собрался в деревню, — смотреть страшно. А пожай-ка теперь в нашу деревню... посмотрите. Дешше

прежнего. Дома с палисадниками, и все один к одному, улица, как по линейке. Станцию построили, во всех домах свет, электричество и воду качает. К нам из области сам секретарь приехал. Хвалил. «Навайте, — говорит, — лучших мне строителей, чтобы всем для примера». Двадцать человек ему назвали, и про меня председателю тоже сказал, как я плотни-

чал. С дедом Василием мы двери да оконные рамы делали. Потом даже в газетках было. «Алексей Крылов» — так и напечисно. Ну только это — не всё. Митька Власова, моего дружка, мать со своим зяном болыущий урожай собрал. Вес тш пшеницей засыпал. Гора-гора. Три агронома в зиму к мятькиной матери приезжали на аулку. Говорят, канюшка про неё будет. А недавно новую школу начали строить. На берегу. Река у нас ясная, всё видно. Место для школы отвели высокое, и сад уже посадили рядом. Вот школа будет!.

Алёшка поднялся и встал на краю яра. Порыв ветра налетел с реки и встрепал его выгоревшие на солнце волосы. Мальчишка с Дона будто стал выше ростом и шире в плечах. Он смотрел прямо на ребят, глаза его блеснули, и он всё говорил и говорил. И недомола деревушка с таким странным названием, затерявшаяся где-то на далёкой от наших мест реке, встала чудесной странной.

— Когда отстронились, наши и говорят: «Название у нас болно неподходящее — «Америка»; от соседей даже совестно. По-иному назвали деревню — «Светлая». Если бы дядя не вытребовал, никогда не уехал бы. Ну да на Камчатке и сто искать не буду. Тут зарабатую у нас денег на дорогу и поеду назад. У нас там...»

Ребята с затейным дышаньем слушали Алёшку. Они давно уже простили его историю с Америкой и верили теперь каждому слову.

г. Хабаровск.

ОХОТА

Ни в одной стране мира нет таких колоссальных охотничьих угодий, как у нас. Ни одна страна в мире не может соперничать с нами по богатству и разнообразию видов охотничье-промысловых животных.

Для многих тысяч советских граждан охота является основной профессией и важнейшим источником средств к существованию. Труд их почётен и славен, как и труд шахтёров, лесорубов, сталеваров. Ежегодно охотники нашей страны добывают на сотни миллионов рублей пушнину, дичь, мяса, пера, пантов и другой ценной продукции.

Из всех краёв и областей Советского Союза Сибирь обладает самыми значительными запасами пушного зверя. Здесь водятся песцы, лисы, белки. Среди знатных охотников Сибири много молодёжи. Виктор Долганов, секретарь комсомольской организации колхоза «Большевик», Барабинского района, с малых лет увлекался охотой. В годы войны опыт охоты пригодился ему на фронте. Теперь он снова вернулся к любимому делу. Свой план в истекшем году Долганов перевыполнил втрое. Он добыл 465 оидвтр, 16 лис и мехов прочего пушного зверя на 4220 рублей.

Столь же замечательными охотниками являются Пётр Бабуков, Леонид Пахаренко, Фёдор Васюченко, Владимир Фомин и многие другие.

Молодые охотники-сибиряки — универсалы своего дела. Один и тот же охотник умеет добывать и соболя, и белку, и ондатру, и волка.

В феврале в Новосибирске состоялся первый послевоенный слёт охотников Сибири. С трибуны этого слёта, созванного по инициативе Центрального комитета ВЛКСМ, прозвучал мощный клич ко всей советской молодёжи, призывающий развивать охотничий промысел. Слёт отметил недопустимо равнодушное отношение низовых комсомольских организаций к этому большому государственному делу.

Молодёжь критиковала работу заготовительных организаций и потребкооперации, плохо снабжающих ружьями, патронами и другими необходимыми принадлежностями охоты.

Отмечалась также и плохая пропаганда охотничьего дела в связи с чем ещё имелись случаи браконьерства, хищнического отношения к животным.

Пришла охотничья весна. Наступает период гнездования и размножения зверей и птиц. Весенняя охота разрешается только на весьма короткий срок. Есть весной заманчивый вид охоты: это — истребление воюнок. Трудная охота, требующая большой смелости, выносливости и отваги. Она закаляет волю молодого человека, учит его владеть оружием.

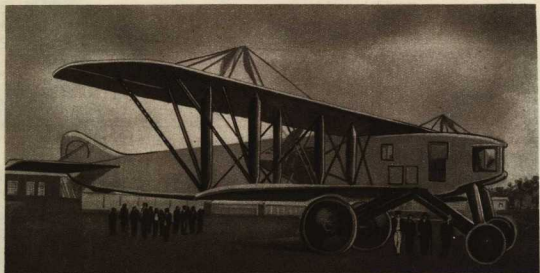
Охота — спорт смелых.

Молодёжь повсеместно должна поддерживать призыв сибиряков.

И. ДЕБРИН

«С В Я Т О Г О Р»

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АВИАЦИИ

В мае 1909 год. В большом, просторном помещении чертёжной Московского высшего технического училища стало с некоторых пор особенно оживлённо. По окончании занятий студенты не расходились, а скинув форменные тулупы и засучив рукава, бросились за работу. Неважно в училище под руководством знаменитого учителя Николая Егоровича Жуковского было организовано воздухоплавательный кружок, и студенты решили заняться постройкой планера и различных приборов для проведения опытов по аэродинамике.

Среди членов кружка выделялся опитностью и знанием дела высокий смугловатый студент Василий Слесарев. Он уже несколько лет увлекался вопросами авиации. Товарищи видели на его квартире специальную измерительную машину и остроумную кинематографу для моментального фотографирования полёта мух, комаров и других насекомых. С помощью этой машины Слесарев хотел проникнуть в тайну полёта насекомых, в тайну полёта тела тяжёлое воздуха.

Когда Слесарев закончил Высшее техническое училище, Жуковский предложил ему поехать в столицу. Он сказал, что считает его самым подходящим человеком для того, чтобы опыт Москва, перенести в Петербург. И действительно, Слесарев оказался за профессора Бюлевского, декана кораблестроительного факультета Петербургского политехникума, иоменитым помощником. Он с большой энергией и знанием дела приступил к организации аэродинамической лаборатории.

Прошёл год. Молодой инженер пользовался большим уважением, его авторитет как специалиста по вопросам аэродинамики рос с каждым днём.

Осенью 1911 года в лаборатории поступило предложение от Русско-Балтийского завода испытать модель тяжёлого аэроплана, который предполагалось построить на этом заводе. Слесарев приступил к испытанию модели. Он продувал её в аэродинамической трубе, обламывал каждую деталь и, записывая полученные при испытаниях данные, пришёл к неожиданному выводу, что конструктор сделал не всё. Можно было построить лучший самолёт, ещё с большей грузоподъёмностью, с большим радиусом и высотой полёта.

Тринадцатого мая 1913 года первый в мире четырёхмоторный тяжёлый аэроплан «Русский Витязь» поднялся в воздух.

Вскоре был построен ещё более совершенный самолёт «Илья Муромец».

Ни в Европе, ни в Америке не было машины, которая могла бы сравниться с этим самолётом. Самый большой американский аэроплан, «Кертис», построенный в 1914 году, мог подняться грузом меньшим, чем «Илья Муромец», а лучший немецкий самолёт, «Самсокс-Шухеррт», построенный в 1915 году, вообще ни в какое сравнение не мог идти с русской машиной.

Одновременно с постройкой этой машины Слесарев закончил чертежи своего самолёта, значительно превосходящего «Илью Муромца». Это был двухмоторный биплан с пло-

щадью крыльев 180 квадратных метров. Размах верхнего крыла самолёта составлял 36 метров, полётный вес—6,5 тонны, причём полезная нагрузка составляла около половины полётного веса. Он мог подняться на высоту до 2500 метров, лететь со скоростью свыше 100 километров в час и держаться в воздухе без посадки 30 часов, то есть почти в 5 раз больше, чем «Илья Муромец». Самолёт назывался «Святотор».

Особенно интересны были применённые Слесаревым пустотелые фанерные конструкции. Оба мотора были расположены внутри фюзеляжа, а проволочеры соединялись с моторами при помощи специального передаточного механизма. Эта система давала возможность лучшего ухода за моторами во время полёта, что имело в те годы, когда моторы были особенно капризны и ненадёжны, большое значение. Сама идея такого расположения моторов была очень интересна, и впоследствии многие зарубежные конструкторы её воссоздавали.

При постройке «Святотора» Слесарев применял свои исследования по механике и результаты изучения полёта птиц и насекомых. Крылья «Святотора» напоминали по форме крылья стрижа, а лопасти пропеллера — крылья стрекозы.

При «Святотора» был тщательно рассмотрен и изучен технической комиссией Особого комитета военного ведомства. Проект был выполнен безукоризненно, расчёты настолько убедительны, ясны и точны, что даже наиболее

В. А. Слесарев

осторожные специалисты были вынуждены признать реальность и осуществимость проекта. Строительство «Святотора» было начато на заводе Лёвбеда в Петербурге.

22 июня 1915 года огромный аэроплан был собран, но тут возникло серьёзное затруднение.

ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

Молодые деревца. С картинкой худ. Ю. Пименова.

Город в нашей стране должен быть зелёным, просторным, и наполненным солнечным светом, чистым воздухом, с максимальными удоб-

ствами для труда, отдыха и развлечений. Поэтому зелёные насаждения являются составной частью в планах строительства и реконструкции наших городов.

В больших городах создаются современные и декоративные озеленения, парки и скверы с отдыхом. Уже найдены новые, советские парковые стили — монументальный и торжественно-праздничный.

Среди городов нашей страны по размерам и крепости зелёных насаждений на первое место выходит Москва. До революции в Москве было всего 49 садов, скверов и парков общественного пользования, а в 190-летнему юбилей его засилье стало в столице основой для 190-летнего юбилейной власти Москва почти в шесть раз увеличила площадь зелёных насаждений общественного пользования. Со-

здаем замечательные парки и бульвары.

Исключительно внимание зелёных насаждений уделяется в новых промышленных городах, построенных в советские годы. В Магнитогорске, например, несмотря на плохие условия проживания деревьев — сухой воздух и частые сушьи, — зелёные насаждения занимают 49 гектаров внутри города и 61 гектар в защитной зоне. На берегу заплодотворенного разбиваются Центральный парк культуры и отдыха площадью в 76 гектаров, бульвары шириной в 125 метров, два районных парка, улицы засаживаются деревьями.

Но посадить дерево — это только первый шаг в зелёном строительстве. Молодые растения, предостерегаемые своими себе, подвержены всевозможным болезням, гибнут в результате всевоз-

можных случайностей и несчастий в результате.

Ни одно дерево, ни один куст не должны остаться без ухода и присмотра. Сады, парки и цветники надо работать на участках и привлекать к каждому из них группу другой зелёных насаждений, которая, как зеницу ока, оберегает бы их от порчи и повреждения. Надо восстанавливать успешно разбивание до войны парковые и комсомольские насты в садах и парках, дополнить их профессионалистами поставив и дать им необходимые права.

Зелёные насаждения в нашей стране — достояние всего народа. Им пользуются все. Все должны и уважать за них и охранять их. Тогда скворцы наши города и сёла повернутся в гнездовые гнёзда.

В. А. В а з а в а м о в, секретарь Орботоро Вессерисского общества содействия строительству и озеленению городских зелёных насаждений

Слесарев рассчитывал свой аэроплан на два мощных мотора по 300 лошадиных сил каждый. В России такие моторы не производились, а получить их из-за границы в самый разгар войны было очень трудно.

После больших хлопот конструктору удалось, наконец, заказать два мотора фирме «Рено» во Франции. Когда моторы прибыли в Россию, Слесарев пришел в смущение. Вес их был значительно выше предполагаемого, а их мощность составляла всего лишь 220 лошадиных сил.

Пока шла переписка, пока Слесарев безуспешно пытался найти подходящие моторы для своего аэроплана, прошло много времени. Некоторые части «Святотора» обещали и требовали замены. Слесарев израсходовал на постройку самолета не только все отпущенные ему средства, но и все имевшиеся у него личные деньги. Чтобы заменить некоторые части и окончательно достроить «Святотор», нужно было израсходовать ещё около 10 тысяч рублей.

Слесарев обратился с просьбой об отпуске средств в военное ведомство, но специальная комиссия признала отпуск казенных средств на постройку этой машины недоцелесообразным. На решение этой комиссии в известной мере повлияли интриги владельцев Русско-Балтийского завода, получивших заказ на постройку аэроплана типа «Илья Муромец» и опасавшихся конкуренции более совершенной машины Слесарева.

Решение комиссии вызвало возмущение многих военных специалистов, знавших о замечательной машине Слесарева и веривших в её успех.

Военное командование обратилось за окончательным решением вопроса к самому авторитетному специалисту по авиации — Николаю Егоровичу Жуковскому.

Жуковский с большим интересом отнёсся к проекту создания лучшего в мире русского тяжёлого самолёта. Он со своими учениками В. П. Ветчинкиным, А. А. Архангельским и Г. И. Лукьяновым произвёл подробнейшее обследование самолёта.

Когда все работы были закончены, комиссия Жуковского официально признала, что «Святотор» построен правильно, рассчитан точно и после окончательной доделки может летать.

Слесарев получил, наконец, от военного ведомства небольшую сумму денег для завершения строительства самолёта, но ни один завод в Петрограде не брался за эту сумму достроить самолёт. Чиновники из военного ведомства ничем не хотели помочь Слесареву, и конструктор принял единственно возможное решение — достроить самолёт собственными силами в маленькой кустарной мастерской.

Дни и ночи работал Слесарев над постройкой своего гиганта. Он понимал, конечно, всю трудность задачи, но упорно добивался цели.

Наконец наступил долгожданный день испытаний. Загудели моторы, и огромная машина мягко покотилась по зелёному полю аэродрома. Машина пробежала 200 метров, как вдруг в правом моторе Рено что-то треснуло, зашумело. Мотор вышел из строя. Испытание пришлось прервать.

При следующем испытании, в момент разбега с крутым заворотом, машина получила небольшое повреждение. Опять ремонт. Опять оттяжка полотна.

Не дремлют и враги Слесарева. Назначена новая комиссия. Слова измученной изобретатель доказывают, что положим никакого отношения к конструкции самолёта не имеют, что нужны непоколебимые суммы, чтобы исправить повреждения, но чиновники неумолимы.

Слесарев так и не удалось достроить свою замечательную машину.

Слесарев умер. Он не дождался тех лет, когда над просторами Советской страны поднимались в высоту тысячи эскадрилий самолётов, созданных талантливыми советскими конструкторами, поставленными на первоклассных советских заводах.

В переломное поединке с врагом в годы Великой Отечественной войны наши самолёты оказались лучше и совершеннее вражеских, и советская конструкторская школа — выше конструкторской школы врага.

Сейчас, после триумфа нашей авиации, мы с любовью вспоминаем и тех людей, которые на самой заре авиации, в тяжёлые годы царизма, утверждали превосходство русской конструкторской мысли.

У руля.

Фотограф Г. Борисова

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» встречало широчайший отклик со стороны многомиллионного советского народа. В редакцию «Смены» поступает много писем от молодежи. В этом номере мы публикуем некоторые из писем наших читателей.

ПРЕКРАСНОЕ ВСЕГДА ПРОСТО И ПОНЯТНО

Я любила песни с детства. Моя мать была первая песенница в деревне. Жили мы тогда в Сибири. В летние дни и всегда поджидала у окошка возвращающих жниц. Босые девушки с песнями проходили мимо. Они пели о милом, который ушел в дальние края, о том, как летела пльва через синие моря, и что есть вода могла, которая заросла травой. Песни были грустные, задумчивые, и девушки тоже казались таковыми. Но вот оборвалась последняя сменяющая нота. Короткое молчание. Смех. И явруг, как ветер, из-за угла:

«Скажи, милый, скажи, цвет,
Скажи: любишь или нет?»
«Я любить-то не люблю,
Да наглядаться не могу».

Больше всего нравятся мне свободные, вольные песни. Слыбды в Сибири всегда шумные, разудалые.

Поэзия, уже в городе, мне особенно близки стала Чайковский, Скрябин, Рахманинов. Как трогательно, чисто и настроенно звучит рожек горниста в «Торжественной увертюре 1812 года!» Как будто это солдат, вышед перед босм чистую рубашку, оглядывается на свою жизнь и видит ринный, ослепленный россоу луг, большое, спокойное солнце, вставшее из-за леса, еще сонный дымок над крышами и мичащее стадо на прохладном лугу. Это юность. Это Родина.

Чайковский знал душу своего народа. Когда в той же увертюре гремит победные литавры, чувство восторга и гордости охватывает слушателя. Эта музыка понятна каждому, даже не искусственному в тонкостях композиторского мастерства. Для того чтобы любить музыку, не обязательно знать её теоретически, поученому. Музыка — это то, что по-хорошему волнует человека.

ЦК ВКП(б) в своём постановлении указывает, что эмюгие советские композиторы, в по-

гове за ложно понятым инноватором, оторвавшись в своей музыке от запросов и художественного вкуса советского народа, замыкнувшись в кругу спекулятивных и музыкальных турпинов, снизили высокую общественную роль музыки и сузили её значение, ограничив её удовлетворением извращённых вкусов эстетствующих индивидуалистов.

Композитор Прокофьев сумел написать строго, возлюющую музыку к картине «Александр Невский». Почему же он так обезболил прекрасную сказку «Золушка»? Сказочные декорации резко контрастируют с музыкой. Артистам балета, намерев, очень трудно играть под эти обрывки мелодий и завязывания скрипок. Откуда взялось это «движение комодов», как сказали одиноким подросток от Восьмой симфонии Шостаковича?

Да, в музыке нужна напряжённость, но не штурмовая. Безъязыкая—одними звуками повоевует она о чувствах, о мыслях, о высоком горении духа. Сложен человек. Не всегда в нём живут гармонии. Чем сложнее, тем больше поисков, сомнений. Но это не хаос. А между тем именно так толкует душевное состояние человека Шостакович. Слышащее его музыку, и всё внутри торпашится, кричит, протестует. Русского народа это движение исторически прошлое. Народные песни—это кладь красочных, типично русских мелодий. Какой простор для творческой фантазии композитору! Каким благодарным слушателем найдёт он в большом зале симфонии воплотит душу своего народа!

Лариса ЛЕВЧИК

ЛОБИМЫЙ ЧАЙКОВСКИЙ

В детстве мне нравились только марши. Они возбуждали тревожное желание куда-то пойти. Медь оркестров оглушала меня, и, блуждая по незнакомым улицам, я чувствовала себя взрослым и сильным.

В доме у нас стояло пианино, и по выходным дням гости брелили по клавишам и тыкали ромашки о соловых и задумчиво шептались сирени. Я презирал слободное, чистенькое пианино. До сих пор не могу преодолеть неприязнь к трогательным песням о раздвоенных васильках и луином свете.

Когда приходила учительница музыки с нотной папкой в руке, я убегал за дом. Много позже я особенно любил музыку симфоническую, с её громким голосом и большими мыслями. Эта любовь пришла в годы войны, когда все мы наиболее остро почувствовали свою ответственность за судьбу нашей Родины. От искусства мы ждали, чтобы оно, как жаркая и гордая мечта, знало нас вперёд.

Вот тогда я полюбил Чайковского. Иной раз мне кажется, что без его музыки трудно было жить. Влюбленные и страстные, пламенные и торжественные, добрые и призывные, его мелодия вошла в мою жизнь как нечто совершенно неотделимое. Музыка стала восточным миром, проникнутым красотой и живыми чувствами.

Наиболее дорог мне Пятая симфония. Тревожный дух Чайковского, трагедия его жизни отразились в его возмужавшем творчестве. Художник честный и чуткий, он мечтал о жизни иной, счастливой. Он писал: «Настоящий художник должен стремиться и пламенеть к самым широким и великим целям».

В Пятой симфонии я слышу предчувствие нового мира, надежду на счастье, призыв к борьбе за это счастье.

«Луч света» — так назвал композитор вторую часть симфонии. Вальс шорох усталых скрипок. Болотное спокойствие. Медленные чувства. Нет ни желаний, ни сил, лишь утомлённость и разочарование. И вдруг яркий луч света заливает восторгом. Тягуче и грустно возвещает она об иной, сказочно прекрасной жизни. Эй вторит фогом, и весь оркестр, всколыхнувшись, подхватывает мечту. Подхватывает и разогнавшейся и мягкой мелодия скрипок и виолончели.

Мелодия крепнет, растекается широкими волнами. И вот в ней чувствуется наряд: да, невиданный солидный, и всё же, в конце концов, она остаётся недостижимой. Жалобы его проскакивает с ненадолго пленившей мечтой. Его скорбь вторит оркестр, а печальная мело-

дия всё не может успокоиться, она поёт о счастье, не в силах смириться с тем, что оно недоступно...

Как порыв урагана, врывается тема судьбы, преследующей Чайковского. В разгаре яростной человеку сил гложет надежда. Её разут нервные шикты струн. Скрипки всё маянят в даль и шикты счастье.

Но, как и Четвертая, эта симфония завершается радостным финалом. Человек не смиряется, он устремляется на борьбу за счастье. Гневно вскрикивают трубы, бьют барабаны, мечутся возбуждённые скрипки — мы ясно слышим выступление в поход. Оркестр проникнут уверенностью, в его голосах звучит вызов. Опять проступает пленительная солнечная даль. Она блистает и манит. Сиюя становится тема судьбы, но уже и иной звучанием. Чувствуется бодрость, оптимизм. Происходит перемещение страдания. От него не избавиться. Только оно ведёт в будущее. «Через страдание свет» — такова, на мой взгляд, философия Чайковского. И начавшей симфонией, ликующей гимн, с которым человечество идёт в солдечную даль.

Я не знаю музыки, более прекрасной, более осмысленной для нас, современников, музыки, устремлённой в будущее. Я могу безудачно слушать Пятую симфонию, и всякий раз, когда гремит торжественный финал, меня наполняет восторг, передо мной раскрывается большое значение человека, и кажется, что наша страна существует вперед под этот гимн.

Советские композиторы должны быстрее преодолеть вредное, антинародное, формалистическое направление в музыке и следовать в своём творчестве по правильному, реалистическому пути.

ЦК ВКП(б), выражая мысль и чувства всего советского народа, потребовало от наших композиторов создания «высококачественных и требующих произведений во всех жанрах» области оперной, симфонической музыки, в песенном творчестве, в хоровой и танцевальной музыке.

В. ИЛЬИНСКИЙ

В МУЗЫКЕ — ДУША НАРОДА

Наша эпоха — величайшая в истории человечества. Несомненно, что она издалась и великому музыкальному искусству. Когда мечтаешь об этом искусстве, возникает мысль об опере.

Часто приходится слышать, что опера идёт из нашей жизни, потому что она естественна. При этом ссылаются на то, будто современному человеку кажется несложным видеть, когда люди, вместо того чтобы говорить на сцене, поют.

Эти доводы несостоятельны.

Я помню, какое поразительное впечатление произвело замечательная сцена спектакля «Молодая гвардия» в Театре драмы. «Молодая гвардия» — это сама жизнь. А жизнь тем есть ли сюжет более романтичный и более возвышенный! У каждого из нас возникает своё в всегда романтическое ощущение образов героев Краснодона.

Мы хотим услышать оперу (во все не обязательно, чтобы это была именно «Молодая гвардия»), музыка которой питала бы романтику и пафос наших дней. Эта музыка должна захватить нас своей силой и красотой. Именно красотой, а не красивостью. Хочется получить от этой музыки такое же большое наслаждение, как от музыки Глинки и Чайковского.

Если музыкант вникает драматизм действия, а музыкальный образ солдаты с жизненным образом, слушатель будет естественно воспринимать на сцене пенне актёров. Поэтому очень важно в создании советской оперы продолжать русскую оперную традицию. У Мусоргского, например, пенне действующих лиц естественны и ни у кого не вызывает мысли о неправдоподобности, условности оперного искусства.

Конечно, не всякая опера может произвести впечатление повышенной речи, но это будет выглядеть совершенно естественным в том праздничном зрелище, каким мне представляется будущая советская опера.

Нам надо ждать от советских композиторов музыки, которая будет достойна слушателей нашей великой эпохи.

Б. САРНОВ

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ОРЛА

Василий РОСЛЯКОВ

ПРОВИНЦИЯ

Колец московской сутюпки
Взметнется у перрона,
Побудут одне постуживать
Кобьёваны вагоны.

Вдурт горизонт раздвинется
За дачным переулком,
И поплывёт провинция
Во всея январском блеске.

И вдурт в оное отышутся
За сумраками давними
В синьки являющегося
Дальнее деревни.

И где-нибудь на станции
Сойдётся взглянуть на город —
Он в памяти останется,
Забудется не скоро.

В снегу, как в белом пламени,
Стоит под небом синим
С дождями и рекламами,
С дымами заводскими,
С голубой на белой площади.

Да с утренней газетой,
Да с флагом, что поплещется
Над зданием Советов...
И в будничном величии
Шумит оно, не смолкая...

Так вот она, столичная
Провинция кака!
А ведь явремя вышест
С дачными заветными,
Уйдёт дорогой мгнистою
Куда-нибудь, к Уралу.

И пред ним раскинется,
В ночках не потухая,
Бывшая провинция,
Земля моя родная.

Александр МЕРКУЛОВ

ВОКЗАЛ

Он в эти дни суров на вид,
Имевёт он по часам,
Не одждает и не спит,
Одет в бинты — лёса.

Здесь каменщик и штукатур —
Ном боевом пося!
И лёсна бьётся на ветру
Сильно зван и перестук.

Сомл правды, души своей
Лени вокзал от рам,
Зеркальных стёкол не желей
Проблем синих рам.

Товарищ мой,
Скорей,
Лечи вокзал от рам!

Иван ОЗЕРОВ

ГОРОД-ГЕРОЙ

В огонь бросались вместе — всё выдали,
Я, как на дуге, на тебя глажу,
Ты выбит правдестественно на медали,
Что на груди я с гордостью ношу.

...Центральная север — отныне север
Танкистов,
а знал, броню пережурт сердца.
Берёт малая лагура утра и историю
кладёт на стень первого джуря.

Ты встанешь, к жизни возвращающий нам,
Пусть солова в твоих досках поют,
Зовёт на подвиги нас то же знамя,
Что нам победу принесло в бою!

Закарпатская Украина.
Фото П. Шведова.

Пейзаж близ Ужгорода.
В воскресный день у сельрады.

Утро в порту.

НАЧАЛО ПУТИ

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ А. С. НОВИКОВА-ПРИБОЯ

В одну из охотничьих поездок мы жили с Алексеем Прибоем на полуострове Вачка, в одиночной заброшенной избушке мордвина Чулайкина. Ранняя весна подвела нас: дупл, лесомыси свернули ветки, и над полями, лесами, оврагами часто бушевали метели. Утром, проснувшись, мы прежде всего вышли в овраг и увидели крутящиеся белые крысы, открытую снежную землю. Заполняя томительные дни ожидания охоты, Алексей Сильча рассказывал мне о своём детстве, юности, о службе в царском флоте и жизни за границей.

— В то время Новиков-Прибой жил в Лондоне и такую нужду терпел, какой ни я, ни после этого не приходилось ему испытывать. Трудно было найти постоянную работу, и перебивался он случайными заработками: работая кухонным мужиком, матросом, молотобойцем, чернорабочим на маленьких фабричках и в кустарных заведениях. Приходилось по двенадцати часов в сутки бить десантированный молотом, выколачивать железные заклёпки из старых автомобильных покрышек, резина которых шла потом на переработку. Вместе с ним жили два политяческих эмигранта: дьяков-растрига и офицер — ба безобразные. Дьяков споконьяк выдал приносимые Алексеем Сильчём продукты. Офицер же попросил Новикова-Прибоя найти ему работу, и Алексей Сильчя привёл его к своему хозяину. Офицер взял молот и начал выколачивать заклёпки. К обеду он уже устал, однако дотолкал до вечера. Но на следующее утро не смог встать с постели. Опять Новиков-Прибою пришлось работать одному. Но вскоре и эта работа прекратилась. После нескольких дней безработицы он нашёл новую. Должно быть, эта работа действительно была ужасной: незнакомое мне выражение странно изменило его лицо, когда он говорил:

— Представь себе длинный полуторный сарай и нём и два ряда штук двадцать бочек, на две которых насыпаны опилки. В каждой бочке стоит человек и, засучив штаны, босыми ногами топчет сырые собачьи шкуры. Сухие опилки шипят под жер и сапо шкур — сапог переобитый способ обезжиривания. По четырёхнабати часов в день я топтался в бочке, и непонятно мне сейчас: как я не порвала ноги о собачьи когти и не зарылся трупами идом. Бочки высокие, из них торчат только головы работающих: рыжие, чёрные, бородатые, бритые... Эти головы, с тупым, усталым взглядом глаз, доводили меня до кошмара. Они сидели мне по ночам, мерещились на улицах. Долго было галлюцинировать. Однажды вечером я сидел один в своей каморке и вдруг совершенно отчетливо вижу: в дверь просовывается рука и держит на ладони голову, потом швыряет её на пол. Я слышал, как глухо стукнула голова, а, ясно видел, как покатылась она по полу, переворачиваясь по лицу, то затылком. Я вскочил со стула, заглянул под стол, куда исчезла голова, и, конечно, ничего не увидел там. Должно быть, от переутомления, от постоянного недоиздания померещилось мне это. А головами мы жестоко...

Однажды Новиков-Прибой проходил мимо бочки, возле которых лежали деревянные чурбаки, разрубая мясные туши. Крошки мяса падали в опилки, насыпанные вокруг чурбатов, и мальчишки собирали их. У одного из них была целая кепка мясных крошек, и он охотно продал их Алексее Сильчю. Пить неслышно. Пить неслышно за мясо без костей. С этого дня Новиков-Прибой стал постоянным покупателем маленького продавца. Мясные крошки были перемешаны с опилками, дома их тщательно промывали и варили в котелке на железной плите. Незабываемы остались для Алексея Сильча те часы, когда он, офицер и дьяков — голые, с ложами в руках — сидели у печки. Они забывали обо всём, все желили в котелке и концентрировались на котелке с мясными крошками. Едва закипало кушанье, как дьяков говорил: «Кажется, пошел». И, зачерпнув поспевшую ложку, обжигаясь, жадно ел: «Итер, ещё не пошло». Слуста минуту Алексей

Сильча или офицер говорили: «Вот теперь пошел». И точно так же зачерпывая полную ложку крошек. Они не могли дожидаться, пока уварится мясо, и всегда полусырым съедали его.

Новиков-Прибой находил всё же время писать маленькие рассказы и рассказывал их по тонким журналам. На почтовые марки уходило немало денег, рассказы печатались редко, и он пересылал их из одного журнала в другой.

А. С. Новиков-Прибой в 1902 году.

— Подписывался и тогда «Матрос Зетёрты» — этот псевдоним казался мне удачным, — рассказывал писатель, — действительно, в то время я был зетёрт жизнью...

В Лондоне он написал большой рассказ «По тёмному». По разному рассказ не подошёл для тонкого журнала, и Алексей Сильча, после долгих колебаний, послал его Горькому, который жил тогда на острове Капри. Бывший матрос лично слышал о том, что Горький охотно помогает начинающим писателям, если видят в них искру таланта.

Велика была радость Новикова-Прибоя, когда он получил ответное письмо с Капри! Алексей Максимович писал, что рассказ ему понравился, несмотря на имеющиеся в нём существенные недостатки, а, главное, будет напечатан в толстом журнале «Современник». Горький высказывал предположение, что автор рассказа — моряк. Новиков-Прибой ответил Горькому благодарным письмом и сообщил некоторые сведения о себе. В следующем письме Алексей Максимович пригласил бывшего матроса на Капри — пожить и поучиться мастерству писателя.

Новиков-Прибой покинул Лондон. Вскоре мясные крошки, десантированный молот и головы, торчащие из бочек, казались ему далёким, ложным на тяжёлый сон, прошлым. Первая встреча, к которому он обратился на Капри с вопросом, как найти Горькому, заулбавился: «О, сеньор Горький!» — и показал, куда нужно идти.

Алексей Сильча добрался до виллы, где жил писатель, и, волнуясь, позвонил. Дверь открыл

невеселый, плотный итальянец (это был Катальдо, повар Горького, бывший матрос с одного итальянского крейсера). Очень скоро в прихожую вышел высокий слегка сутулый человек — с чёртуры рубашке. Узнав, что посетитель — с Матросом Зетёрты, он дружески поцеловался с ним, провёл в столовую. На столе появились завтрак и бутылка белого каприйского вина. Новиков-Прибой был голоден и по-инстинкту воспользовался радужным гостеприимством этого дома: пил вино и утихомирив котлеты с макаронами. Человек, сидевший напротив за столом, расспрашивал о жизни русских эмигрантов в Лондоне. А Новиков-Прибой не знал, что перед ним, Алексее Максимович представлял себе по его ранним фотограммам — с длинными волосами, в широкой блузе. Перед ним же сидел человек, остриженный под машинку, с рыжими усами. Разговаривая, Алексей Сильча всё время думал: «Горький это или кто-нибудь из его родственников?» Но в столовую вошла женщина. Она поставила на стол корзиночку и сказала: «Вот, Алёша, пивариско». «Ага, Алёша!» — подумал Новиков-Прибой. Должно быть, это и есть Горький! Попробую назвать его по имени и отчеству». И он сказал:

— Так вот, Алексей Максимович, а к вам и приехал.

— И хорошо сделали, что приехали, — ответил собеседник.

Так и есть — Горький! Новиков-Прибой очень обрадовался этому. Простота и радушие Алексея Максимовича, его искреннее желание помочь начинающему писателю сразу расположили к себе Алексея Сильчу.

Он остался на Капри и почти ежедневно встречался с Горьким, читал ему свои рассказы, иногда слушал его замечания и советы. Каждый рассказ Горький оценивал с идеальной стороны, говорил о развитии сюжета, отмечал достоинства и недостатки, потом перешёл к отдельным фразам:

— А что если в этой фразе переставить слова? Фраза лучше будет.

«Действительно, лучше, — думал Алексей Сильча. — Как я сам об этом не догадался!»

— Вот это слово у вас избыток. Нельзя ли заменить его другим, более ярким?

И сам подкажет полноценное слово, будто вместо булыжника встанет самовитный камень. И опять промелькнет мысль: «А я вот не подумал об этом!»

Новиков-Прибой познакомился на Капри с И. Буниним. Бунин был одним из любимых его писателей. Приезжал на Капри Шалыгин. Он пел русские песни, которые тревожили сердце, толкали по родине, по широким степям, лесам, могучим рекам...

Они совершали иногда экскурсию к испанским губам Фаральона, около Пуэрта Трагара.

Но жизненная правда, яркие образы, отточенные фразы, скупой и сильный диалог на страницах произведений Горького, Бунина, фольклора Алексея Сильча больше, чем Голубой трот и скалы Фаральон. По на несколько раз перечитывал книги Горького и почти осазал то, о чём рассказывали они. А почему в его рассказах нет этого? Он спрашивал об этом Алексея Максимовича.

— Работать надо, больше работать, — отвечал Горький.

Новиков-Прибой прожил на Капри с мая 1912 года по май 1913 года. Этот год прошёл в напряжённой литературной учёбе.

— Горький поставил меня на ноги, вывел на литературный путь, а пошёл по ней, — говорил Алексей Сильча.

Поконда Капри, бывший матрос уносил в своём сердце великую любовь и благодарность к человеку, который помог ему постигнуть литературное мастерство, указал назначение и обязанности писателя.

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В мае отмечает свой 25-летний юбилей Ленинский спортивный общество «Динамо». Это не только старейший, но и сильнейший спортивный коллектив страны. Ни одно крупное соревнование не проходит без участия атлетов с динамовской эмблемой на белых майках. Крупнейшие международные победы наших спортсменов связаны с именем «Динамо». Двадцать пять лет назад это спортивное общество было создано в форме предкавказного Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Первой в молодом обществе стала работать стрелковая секция. Затем появились занятия борцами, дзюдоистами. На историч. в Орехово-Давыдовском переулке родился футбольный клуб «Динамо», который представляет себе первые футбольные «Динамо», что через 5 года слава команды прокатилась по всему миру после ее блестящего выступления на стадионах Англии и Швейцарии.

В гимнастическом зале на Цветном бульваре под руководством Бориса Николаевича Астафьева стала заниматься первая группа гимнастов, из которой впоследствии выросли чемпионы блестящие мастера: Владимир Белков, Владимир Лазуренко, Галина Урабанчик.

Ширится и крепнет слава спортивного общества. Появляются легкоатлеты, боксеры, мотоциклисты, гребцы. Сейчас динамовцы кулачают вярзуют 24 вида спорта и почти в каждом из них имеют своих сильнейших представителей.

Особенно славятся легкоатлеты «Динамо». Первенство Европы 1941 года завоевали динамовцы Николай Карякулов, Евгений Сеченов, Татьяна Стороженко, Елена Дубыца, Клавдия Мачула.

Нет такого вида легкой атлетики, в котором «Динамо» не имело бы своих выдающихся представителей. Александр Пугачевский, победитель Кубка «Юмента» 1947 года, чемпион страны в беге на 400, 1000 и 2000 м, в стелле-чезе. Вот Иван Степанович — чемпион страны в барьерном беге на 110 метров. Известен всему миру рекордсмен Европы по прыжкам с местом Николая Озолю. На последнем чемпионате страны по легкой атлетике победу в десятиборье, ставшем самым лучшим в истории, одержала молодая динамовка Владимир Васильева.

Легкая атлетика — спорт молодых, и динамовцы много времени и внимания уделяют юным легкоатлетам. В 1927 году советское правительство наградило спортивное общество «Динамо» орденом Ленина. Это награда была дана не только за спортивную, но и за общественно-политическую деятельность.

В годы Общества непрерывно ведется вся новая молодежь. Вот почему «Динамо» остается всегда сильным и непобедимым.

В. ЯКОВЛЕВ

СПОРТ

«30 МИНУТ ВОДЫ»

Фото Н. Волкова

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Анатолий Булаков — 17-летний боксер, воспитанник спортивного общества «Динамо», вышедший переноской СССР в наилегчайшем весе.

Фото Г. Борисова

«30 МИНУТ ВОДЫ» На занятиях по плаванию в бассейне № 1 Пролетарского района Москвы. Инструктор Ольга Храмцова посылает юношескую группу «Грудных резервов» правильность работы рук во время плавания стилем «кроль».

Снегом, вилкем воды, пеня и брызги создают шум морского прибоя. Затем, снова с шумом, снова прыжки, и так с девяти утра до одиннадцати вечера. Откуда-то сменяет друг друга. Школьник, ремесленник, рабочий завод, офицер, мастера спорта, опытные страны, Европа, мира...

Идут занятия в бассейне для плавания в Пролетарском районе Москвы. Ежедневно в бассейне 500-700 пловцов.

Сейчас Ольга Васильевна Храмцова занимается с группой спортивного общества «Трудовые резервы». Она мастер спорта, абсолютный чемпион нашей Федерации по волюболу стило, прекрасный, опытный тренер. Урок проходит увлекательно, живо.

У новых спортсменов возникает интерес к спорту, здоровый азарт соревнования. Над бассейном висит большой секундомер. Метровая стрелка отсчитывает время. И как бы видеть, как мастер пловца Владимира Азарова, когда стеномровку браком от проделан им две секунды меньше, чем неделю назад. Пуская до совершенства еще далеко, но все же знающая, что такое пловца от чемпиона отделить всего десятка секунд, на соревнованиях и сотни часов, дней, месяцев, летина на тренировках. И нужно было видеть, как радость, поощрали Владимира его друзья — пловцы и ремесленники.

Пловцам бьют время. Прозно, как здесь говорит, «30 минут воды». Звонок. Группа ремесленников выстраивается и уходит. Новая группа на старте.

Урок на воде длится всего 30 минут. Всего в бассейне пловцов занимается 37 группа. Ничтожно мало. Мало в Москве, мало в Ленинграде, мало в других городах. Где научиться стилому плаванию летом, когда в наших прекрасных водохранилищах водохранилищах и на реке почти нет купален, нет водных стадионов?

И не только в Москве — Ленинград, в Киеве, Николаеве, Херсоне, Одессе, едва ли найдется где 3-4 стадиона, где бы обучали стилому плаванию. Инструкторов достаточно, их на первом курсе может хватить.

Нет простого открытого на реке бассейна для плавания, с раздевалкой, с площадкой для тренировок на суше. Построить такие купальни и водные стадионы не так уж дорого. Времени еще есть. Летю только на поезде. Нужно миллионы советских пловцов, ограниченных тридцатиминутной нормой, вывести на большую воду — на реку, на озеро, к морю.

А. ПЕТРОВ

В первой половине марта редакция «Смеялся» получила 28 писем читателей, а также рукописей молодых прозаиков и поэтов. Среди полученных рукописей преобладают произведения начинающих прозаиков, требующие литературной консультации. Пришло также 75 рассказов, предназначенных на литературный конкурс журнала.

Среди писем читателей — ряд откликов на опубликованные в журнале материалы. Так, Д. Самойлова из Егорьевска, Б. Волфин (Ленинград), А. Краснышев

ков (Горьковская область), И. Шакова (Смоленская область), М. Красина (Могилевская область), А. Герасимов (Гатчина) и другие одобительно отзывались об отдельных рассказах, стихах, очерках, опубликованных в «Смеялся».

Некоторые письма читателей носят критический характер. Товарищи И. Аванес (г. Дзержинск) и А. Вендик (г. Кемерово) резко критикуют репродукцию с картины художника А. Дейкина «Донбасс» (Весенняя художественная выставка 1947 года). Картина эта, опубликованная вкладки к журналу № 2 за 1946 год, по мнению указанных товарищей, лишена реализма. «Зрительное восприятие картины», — пишет тов. И. Аванес, — не является с тем представлением, которое сложилось у читателей о Донбассе-районе, высшем передовой техникой, богатом применением различных меха-

низмов... В картине нет жизни, она мертвая», — заключает товарищ Аванес. Примерно так же отзываются о картине и тов. Вендик, озвучивший свой писемло «Десять вопросов об одной картине известного художника».

Группа учащихся средней школы Свердловской области прислала критическое писемло по поводу опубликованной в журнале «Песни школьником» (музыка В. Соколов-Сороко, слова Фатьянова). Возражение авторов писемло вызывает не текст песни, а музыка. Руководители хоромого кружка, где разучивалась эта песня, сообщают, что школьники говорят мужиками, а не детьми: «Под такую музыку, если не знать слов, можно заплясать».

Отдельные писемло, полученные редакцией в марте, содержат продолжения и пожелания читателей. Так, например, тов. Гаврилин (Закарпатье) просит редакцию систематически поме-

щать в журнале фотографии значных людей страны, в частности народных артистов Союза ССР, выступающих по радио. Тов. В. Прокофьев (г. Молотов) просит внести в журнале отделе шахмат. «Желательно бы», — пишет Прокофьев, — чтобы в этом отделе разбирались наиболее интересные партии, красивые комбинации, а также помещались шахматные этюды и задачи.

Т. И. Мушкетов и И. Николаева (Вак) в своих писемлах в редакцию высказывают пожелание, чтобы на страницах «Смеялся» были опубликованы очерки о героических делах молодых нефтяников Вакы.

Предложения читателей будут учтены редакцией. В марте редакция «Смеялся» получила молодые литературные очерки 300 отзывов — стилистическую консультацию на присланные ним рукописи.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЗАКОНОВ РОЖДЕНИЯ И ЖИЗНИ

Александр ПОВОПСКИЙ «Законы жизни». «Советский писатель», 1947.

Александр ПОВОПСКИЙ «Законы рождения». «Молодая гвардия», 1947.

Предлагаемые вниманию читателей книги знакомят с жизнью и работой замечательных советских учёных: физиологов И. П. Павлова и К. М. Быхова, гистолога А. Г. Гурьяна, зоолога Н. Е. Павловского, хирурга А. В. Вишневского, биолога Т. Д. Лисенко.

Свойственные советским учёным преданность интересам народа, любовь к человеку могли привести их к тем результатам, которыми сейчас дивятся весь мир. Подлинные новаторы, они неустанно идут вперёд, не останавливаясь ни перед какими трудностями.

Высокая чистейшая, присущая им лично и пронизывающая всю совокупную жизнь, помогает им идти по тому пути, на котором новаторство возникает как следствие роста жизни всей народной жизни и её потребностей.

Живо и доступное изложение книги помогает каждому читателю глубоко проникнуть в сложный круг разнообразных научных проблем и осознать выдающуюся роль советской науки в жизни нашей страны, а также её огромные преимущества перед наукой зарубежной.

А. Кипренский

МОСТЫ ПОБЕДЫ

М. ЕФЕТОВ «П. А. КАБАНОВ»

Профиздат, 1947.

Эпиграфом к одной из глав этой книги взяты слова М. Горького: «Именно в труде, и только в труде велик человек». Только благодарного человека трудом является главным героем книги М. Ефетова — Герое Социалистического Труда П. А. Кабанова.

Перед читателем проходит галерея портретов солдат и офицеров железнодорожных войск, коммунистов и комсомольцев, ведущих за собой лучших людей страны. Здесь мы видим с прославленными генералами показаны рядовые солдаты-комсомольцы — мастера своего дела. Автор рассказывает, как воспитывались воле к труду, упорство, настойчивость, как формировался характер коммуниста.

Особенно запоминаются рассказы о комсомольцах Жукове и Анисимове, своей самозабвенной работой заслуживших в условиях фронта высокое звание Героев Социалистического Труда. Книга пронизана духом партийности. Автору удалось показать героизм, умение, сметливость наших мастеровитей. Очерковая книга, в которой нет вымысла, меркнет читателем в гиперреальности, она сильна силой фактов, документов и биографией советских людей.

Книга будет хорошо принята нашими молодыми читателями. В ней много ярких эпизодов, показывающих беспримерную самоотверженность и трудовой героизм советских людей.

М. Галин

Виды спорта
РУКАМИ МОЛОДЫХ

Сотни тысяч юношей и девушек Югославии, Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, Чехословакии своими руками воздвигают разрушенные города и сёла, восстанавливают железные дороги, строят электростанции.

Без Балканской полустрой, за исключением Греции, покрывается густой сетью железнодорожных строек. В невиданно короткий срок тысячи молодежи построены в Югославии железные дороги Шамат—Сараево и Врчко—Видичеви. Во единодушном утвержденье специалистов, никогда ещё в Югославии железные дороги не прокладывались так быстро и высококачественно, как это сделали молодые странстводорожники.

В прошлом году молодыми работниками новой Болгарии была построена железная дорога Перник—Вуляк—Совия протяжённости в 43 километра. Проведённая электростанция Мездра—София—Пловдив, продолжение из 25 километров шоссеских дорог, построено 145 мостов, 39 километров оросительных каналов и т. д. Стоимость этих работ оценена в 112 миллиарда левов.

Молодые странстводорожники объединены в Национальные добровольные строительные бригады, которая носит имя вождя болгарского народа Георгия Димитрова. В настоящее время бригада насчитывает в своих рядах свыше 100 тысяч молодых людей и девушек. Отдельные группы этой бригады строят аэропорт в Фомеши с искусственным озером, системой орошения и электростанцией, восстанавливают «Коммунистический мост» в Братиславе, строят гидростанции, железные дороги, железные фабрики и другие крупные сооружения.

В Албании молодёжь строила железные дороги железнодорожные линии Кукес—Нескопи и Дуррес—Эльбасан. Молодёжь румын построила 14 километров железнодорожных путей. В Венгрии начато сооружение канала Дунай—Тисса. Большую часть всех строительных работ взяла на себя молодёжь.

ОБМЕН ТРУДОВЫМИ БРИГАДАМИ

На молодёжь всех стран новой демократии установилась чудесная традиция: обмениваться друг с другом строительными бригадами. Балканцы, которые спонсорские соглашения, края газодорог, национальных распрас и вражды, ныне, восторженными и счастливыми, являются при обмене бригадами, сотрудничают, искренней дружбой и взаимопомощью. На строительстве в Шамат—Сараево и Югославии работали две бригады молодых рабочих-демонстраторов, две югославские бригады две из Триеста, пять румынских, три болгарские, одна албанская. В Болгарию приезжали молодёжьскими бригадами из Югославии, Албании, Венгрии и Румынии. Своими албанскими друзьями помогали строить молодые югославы болгары, румыны, венгры.

В этом году в международном плане примет ещё более широкое масштабы. Недавно исполнителем комитета молодёжьских балканских стран приняла решение о взаимном обмене рабочих бригадами. Летом из Венгрии в страны Балканского полуострова выедут из работы 500 человек, из Румынии — 100 человек. Не шнёт в помощь своим зарубежным друзьям 800 человек, Триест—50 человек.

Представители молодёжи освобождённых областей Китая. На переднем плане: солдаты Народно-освободительной армии Китая портрет вождя китайского народа Ма Цзэ-дуня.

ЗА РАВНЫЙ ТРУД — ПЛОВИНА ОПЛАТЫ

Во французских газетах время от времени появляются объявления автомобильных фирм Сайрона о наборе рабочих силы. При этом особо подчеркнулается, что фирма не будет нанимать ни вообще рабочих, а только молодых рабочих.

На первый взгляд, такие объявления в стране, где существует безработица, где сотни рабочих ежедневно вынуждены бороться за меньшую зарплату, странно. Однако если ознакомиться весьма просто: дело в том, что молодым рабочим фирма платит вдвое меньше, чем взрослым.

При узаконенной ставке в 70 франков за час семнадцатилетний юноша за такую же работу получает всего 35 франков. Препринимателям выгодно увольнять кадровиков и заменять их молодёжью.

Но даже полюбившую зарплатную плату получают далеко не все. На французских предприятиях существует специальная категория «молодых рабочих», которая не имеет никакого участия в течение целого года вообще не получают никакой оплаты.

РОДИНА-МАЧЕХА

Вот как выглядел бы рабочий в Инглия. Здесь воспроизведён снимок из английского журнала «Печур» пост. Фотоаппарат заперчал угол квартиры рабочего в Горбилье, предместье города Глазго. Мэри мечтала о счастье, пишет журнал, она хотела учиться. Но жизнь её сложилась совсем не так, как она мечтала.

По официальным данным, число занятых на производстве молодых рабочих в возрасте от 15 до 24 лет в Великобритании увеличилось с 54 миллиона в 1933 году до 47 миллионов человек в 1946 году. Подлиннее большинство молодых трудящихся выполняют самую тяжёлую, небезопасную и вредную работу. Плата, которую они получают, не обеспечивает прожиточного минимума. Молодые, мечтавшие получить работу у себя на родине, эмигрируют за границу. Зарегистрировано уже свыше 600 тысяч молодых эмигрантов. Что же предпринимает для улучшения жизни рабочих Великобритании? Премьер Эттли, выступая в палате общин, заявил, что «теперь не время для

Увеличение заработной платы. Что касается капиталистов, получивших совершенно скандальную прибыль, то Эттли счёл достоянием обратиться к ним с искоренённой просьбой «воздерживаться от получения больших прибылей и высоких дивидендов».

НА ДОРОГАХ ИНДИИ.

Различные агенты английской империализма в Индийском районе между индусами и мусульманами в Индии несут злобу на индийский народ, нещадно эксплуатируя и бедствия. Сотни тысяч мусульман, женщин и детей остались без крова, без жилищ средств к существованию и брошены на произвол судьбы. И в с и м к е: несчастные индусы, индусская женщина с ребёнком.

В нашей стране впервые в мире доказано, что геологическое строение морского дна может успешно изучаться при помощи магнитных приборов, установленных на самолётах, так как эти приборы по-разному реагируют на магнитное поле земли, в зависимости от породы, находящейся непосредственно под приборами. Но как бы ни были совершенны различные измерительные приборы, «опускающиеся» днём моря на очень большие расстояния, непосредственное получение образца грунта всегда будет иметь громадное значение. Человеком уже около века работает над созданием и усовершенствованием приборов для извлечения грунтов морского дна. За это время изобретено свыше 60 различных типов подобных приборов. Главная задача состоит в том, чтобы устройство позволяло врезаться в морское

дно как можно глубже. Для этого одни приборы делаются очень тяжёлыми, и их «скало» глубоко проникает в грунт благодаря силе удара, развиваемой при падении. Есть приборы, забиваемые в грунт специальными молотками или взрывом. Только трубок, проникающих в морское дно и заготавливающих образцы его на разной глубине, сейчас насчитывается свыше 20 типов.

Рекорд по длине полученного образца был поставлен советскими учёными в Чёрном море в 1926 году. Учёным удалось с большой глубиной поднять трубку с 3,82 метра образца дна. Больше этого никому до сих пор не удалось сделать.

Но, конечно, получение образцов при помощи трубок, врезающихся в дно на глубину только нескольких метров, не решает задачи, стоящей перед геологами моря. На

земле мы делаем шахты глубиной до 4 километров при помощи вращающихся буров. Подобные буры будут применены и для бурения морского дна. Чтобы получить важные и очень интересные результаты, днём надо пробурить не меньше чем на 100 метров. И хотя глубина бурения по сравнению с поверхностью земли и уменьшается в десятки раз, трудности, стоящие перед конструкторами машины для подводного бурения, исключают возможность.

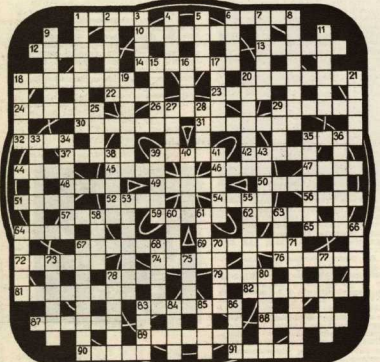
Ведь привод бура — мотор или другое какое-нибудь устройство — должен находиться на дне, а впитать энергией всю установку надо с корабля. При больших глубинах связь с кораблём, управление инструментами, находящимися на дне, очень усложняется. Решение вопроса подводного бурения, если смотреть на все трудности, будет получено.

СМЕНА
Впереди:

КРОССВОРД

Составил О. Золотухин

По вертикали:

1. Способность к провалению деятельности. 2. Хирургический инструмент. 3. Диван. 4. Булыжник. 5. Отпечетливый прибор. 6. Спортивный турник. 7. Минерал. 8. Метеоролог. 9. Тайна. 10. Философ. 11. Вид транспорта. 12. Становое название букаш. 13. Изменение цвета кожи. 14. Строительный материал. 15. Декоративная нашивка. 16. Единица времени. 17. Товарный знак. 18. Напиток. 19. Добрая фея. 20. Заключённый круг вальсов. 21. Сорт мяса. 22. Кучер. 23. Химический процесс. 24. Средневековый порт. 25. Река. 26. Кустарник. 27. Часть вала. 40. Чёртёж. 41. Изобретение подводной лампы. 43. Пугливое оповещение. 43. Гостеприимство. 54. Старинное название иксенеров.

58. Река. 60. Изгиб реки. 61. Принадлежность спорта. 63. Животное. 64. Постройка. 65. Верёвка для трюмных лошадей. 67. Надпись или надпись. 68. Ароматическое вещество. 70. Форма инструментального музыка. 71. Ноют орудиюно расчёта. 72. Часть ножа. 73. Растение. 74. Споровый материал. 75. Часть секеля. 80. Составление. 83. Собака. 84. Углавока пасты. 85. Подстанция. 88. Чередование элементов, моментов.

По горизонтали:

1. Страховое свидетельство. 6. Стояние при типиле. 18. Вид стальной обработки. 12. Часть зуба. 13. Название научных журналов. 14. Признаки, существе-

- вавшие у отдалённых предков. 19. Единица. 20. Извлечение. 21. Смысл. 23. Сампозная окра. 24. Инструмент. 26. Единица вала. 29. Условный знак. 32. Часть пьесы. 31. Город. 32. Пучок волокон, идущий от мозга к органам чувств. 33. Боевая машина. 37. Часть корабля. 39. Стальной инструмент. 42. Порт в Африке. 44. Превращение погрешности. 45. Растение. 46. Механизм для подъёма. 47. Река. 48. Союзные. 49. Укрытие. 51. Представитель камаской народности. 52. Советский писатель. 54. Город. 56. Геометрический фигура. 57. Старый транспорт. 59. Юрические термины. 62. Город. 64. Единица. 65. Государство. 67. Порода лошадей. 68. Музыкальный инструмент. 72. Гомеопатический. 73. Порт в Китае. 75. Ялыщца в железнодорожном вагоне. 76. Представитель народности Кюрасави. 78. Снежная поверхность. 81. Манер. 82. Часть некоторых растений. 83. Участник боя быков. 87. Мера длины. 88. Место для сна. 89. Табурный ствол. 90. Точка пересечения лучей. 91. Работник флота.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

помещённый в № 7.

По вертикали:

1. Редут. 2. Штабш. 3. Отобор. 4. Судья. 5. Сани. 6. Оловя. 7. Навес. 8. Бревна. 9. Харон. 10. Лазер. 11. Фляга. 12. Дятло. 13. Лыжы. 14. Монополия. 15. Навесиле. 16. Алакскагор. 17. Резолюция. 18. Стелка. 19. Кабанок. 20. Сосуд. 21. Маллер. 21. Семоз. 23. Отра. 24. Бокал. 44. Егора. 45. Дина. 48. Тромбон. 49. Верёвка. 51. Эскер. 53. Прогно. 54. Кефир. 55. Свифт. 57. Поро. 58. Рефта. 59. Такси. 60. Паст. 61. Матка.

По горизонтали:

1. Гресс. 4. Состояние в Халде. 11. Треть. 12. Трали. 14. Вербиз. 15. Мандолина. 15. Нерфа. 20. Малина. 22. Гинчези. 23. Кастор. 24. Насос. 26. Моток. 33. Абура. 35. Елена. 36. Табак. 37. Писель. 40. Лодка. 41. Сосуд. 43. Еванг. 44. Ручка. 42. Ладан. 43. Рефта. 46. Гала. 47. Игроб. 49. Прованс. 50. Арауви. 54. Кросс. 56. Сепаратор. 60. Шаром. 63. Фабрика. 63. Рынок. 64. Трёмый. 65. Рашет. 66. «Питмилко». 67. Трава.

Дневник пилотки.

Игорь Вяхрев — Город в тумане.
Г. Юровский — Вступление в жизнь.
Сергей Воскресенко — На Донбасс.

Мм. Зятегоров — Рождение гиганта.

А. Пришкин — Албишка Америки.

Андрей Досталь — Ровеснику. Охота — иллюстрированный фоторазор.

Н. Науасов — «Саягоров».

А. Баузалов — Всемирное дело.

Искусство принадлежит народу. Молодые поэты Ора.

Александр Перегудов — Начало пути.

В. Яковлев — Славный юбилей. А. Петров — 20 минут воды.

Почта «Смена». Новые книги. В мире науки и техники.

На первой странице обложки: «Ледоход» — рисунок художника Л. Котлярова.

На четвёртой странице обложки: Песня из кинофильма «Казань о земле Сибирской».

Оформление номера художника В. Урина.

М. М. КОЗОБИНСКИЙ

„СТЕНЫ“

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

25 М. М. КОЗОБИНСКИЙ

Михаил Михайлович Козоби́нский родился в сентябре 1843 года в городе Елизаветинске в семье мелкого чиновника. Его яркая талант развивался под благоприятным влиянием Шевченко, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Щедрина.

Реалистическое изображение социальных бедствий народа в ранних произведениях Козоби́нского резко противоречило той сельской идиллии, которую рисовали либерально-народническая и буржуазно-националистская литература того времени. Козоби́нский в своих произведениях показал процесс классового расхождения в деревне, рост нищеты, нагромождение классовых конфликтов. В изображении Козоби́нского сельская жизнь — это влияние лучших демократических традиций Гамлы Урицкого.

Выступая как продолжатель лучших традиций критического реализма в украинской литературе, Козоби́нский шире разрешил глубоко волнующий передовых людей того времени сложный вопрос: куда идти? Где дорога к счастью? Социальная тематика произведений писателя расширяется, проблемы общественной жизни ставятся им остро и разрешаются с большой демократической устремленностью. Облик героя, искренно преданного народным стремлениям и идеалам, особенно ярко проявился в героическом выражении в романе «Гай Могодан». Он становится самым выдающимся произведением Козоби́нского. С большой художественной силой автор изобразил картину тяжелой жизни предреволюционной украинской деревни, ее борьбу с эпохой революционной борьбы крестьянства. Герои романа — Гай Могодан, Хомя Гурский, Габрика, Андрия Волык — выступают носителями лучших демократических традиций, способными к революционной борьбе.

М. М. Козоби́нский.

Козоби́нский первый в украинской литературе попыткам разрешить вопрос об образе человека вождя крестьянской революционной борьбы.

Образование в Горьком Козоби́нский поднимает вопрос о предельной чуждоте природы либерализма.

Общественно-политический путь Козоби́нского резко расходился с путем украинских националистов. Это путь привел его к тесной дружбе с А. М. Горьким. Козоби́нский и своим произведением отразил мысли и чаяния широких масс украинского революционного движения. Непосредственность, ясность мысли, точность художественных средств и глубокая искренность его произведений доставляют глубокое эстетическое наслаждение. Это лучшие произведения украинской советской литературы. Его творчество вошло в сокровищницу наследия прошлого и стало достоянием всего советского народа.

«Прекрасный, великий цветок отбросил А. М. Горький об ушедшем в мир 1831 года выдающемся украинском писателе-демократе М. М. Козоби́нском.

28 Ранним сентябрьским утром 1911 года небохвата, крытая железом, колесом бреша — оказалась перед деревниным домом, где расположился штаб Астраханской полка. Из поезда вышел полковник, негелезово одетый прапорщик. На вид он не был совсем молодым, но остроконечные усы восматридали лет. Он торжовало преша в присутствии коменданта полка. Преставился адютанту:

— Прапорщик Михаил Кутузов, назначенный в полк ротным приком.

Молодой офицер, только что окончивший корпус, был не мало удивлен, услышав, что его желает видеть полковой комендант. Во времена Петра III, когда в армии царил прусский дисциплинарный порядок такого «демократизма» было явление необычным.

«Из-за широкого стола, заваленного книгами и военными журналами, налетуче смущенно-радиозно поднялся невысокого роста курносый полковник. Это был Суворов. Непредостыпная беседа полковника началось с вопросов дружбе двух величайших полководцев России. В течение двух лет Кутузов по инициативе начальника штаба Суворова овладевал основами военного искусства. Уже в это время Суворов обратил внимание на выдающиеся способности молодого офицера, пригласив его в отряд артиллерии, тактику, инстинктивные действия, умевшего быстро подойти к солдатам, сжаться с ними. Это особенно ярко подтвердилось в польском походе 1764—1776 годов.

И когда двинуться лет спуски, в 1764 году, прославивший на весь мир Суворов предпринял неожиданный поворот в развитии военного искусства штурма Изнавала, самое ответственное место в нем было поручено Кутузову. В разгар сражения Суворов шёл своему ученику приказ о назначении его комендантом крепости.

«Суворов знает Кутузова, а Кутузов — Суворова», — сказал прославленный полководец, встретив Кутузова на площади тогда, что вступил Изнавала. — Если бы крепость не взяли, Суворов умер бы под её стенами и Кутузов тоже...»

Суворов знал Кутузова и надеялся на него. Знал и любил Кутузова и русский солдат, народ. Вот почему, несмотря на личную неприязнь Александру I к коменданту при Эйлау и Аустерлице, всё же и

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

17 Сто десять лет назад, 17 апреля 1825 года, началось железнодорожное строительство в России. Инициатором первой русской железной дороги был инженер Петербурга С. П. Крашенинников. Длина этой нити была всего 21 верста. Дорогу строили в течение 18 месяцев. Строительство началось в 1825 году и было закончено в 1826 году. Но по окончании строительства почти два года длилась работа по исправлению недостатков. Поэтому официальное открытие дороги произошло лишь в 1828 году.

Памятник фельдмаршалу М. И. Кутузову на месте Бородинской битвы.

самую тяжёлую для России годину, когда наполеоновские полчища подошли к Москве, царь был вынужден назначить Кутузова главнокомандующим русскими войсками.

Полководец и дипломат, образованный человек, любящий народ, Кутузов всё свою жизнь посвятил служению России. Он был её верным командой, мудрым и справедливым.

М. В. Сталин в своём ответе на письмо полковника Разина с искренней любовью определил заслуги Кутузова перед Родиной, назвав его «гениальным полководцем».

28 апреля исполняется 132 лет со дня смерти Михаила Илларионовича Кутузова.

можно изобразить, как неестественно сей громадный человек вылезает из экипажа, дымяком и кипящими брызгами, дивукающим вперед. Стояние по сторонам дорожки дождом, видна величественно. Лошади смирно, лошади выжидают и выжидают. Сия первая железная дорога поведет ко истинному освобождению способа сообщения и принесет государству нашему неслыханные выгоды.

Предказание автора сбывается. В «Северной почте» сбывается. Несмотря на сложность дорожки дождом принесла мало и не возбудила у предпринимателя желания выдвигать свои деньги в строительство и эксплуатировать новых железных дорог. Но опыт работы вместе этого маленького железнодорожного пути наглядно показал, что преимущества от постройки таковы. Вскоре началось строительство Варшавско-Венской дороги. В 1843 году строение оформили, что они проглотили. Дорога, в строительстве которой было вложено 4,5 миллиона рублей, была создана за счёт государства. Малейшая магистраль Петербург — Москва — строится с 1843 по 1853 год и обобщил в 180 миллионов рублей. Верста пути стоила 16 тысяч рублей.

В 1813 году в России было 345 тысяч километров железных дорог. Это совсем не удовлетворило потребности громадной страны в скробит и дешёвом транспорте.

Большой железнодорожный державный министр страны в начале советской власти. В 1940 году протяженность железных дорог составляла в СССР уже 106 тысяч километров. И теперь, огромных путей России и нас неперечесть.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПАЛЕОНТОЛОГ

16 Двадцатипятилетним юношей В. О. Ковалевский сражался в отряде Гарибалди во время отбыва кордебетания в метербоуроскопте. Уже будучи известным историком он начал выдающиеся натуралистские исследования. Ковалевский считался научной деятельностью, он постоянно стремился к созданию общенационального мышления.

Громкая известность В. О. Ковалевского как учёного-палеонтолога постоянно создавала на его пути различные препятствия. Опасаясь раздражения власти политическими и научными взглядами В. О. Ковалевского, его долго не допускали к научно-популярной работе. Лишь за несколько лет до смерти Владимир Олсуфьевич получил возможность читать лекции в Московском университете: он был назначен по кафедре геологии. Заключался в тесные рамки, которыми царские министры в то время ограничивали деятельность учёных, Ковалевский стремился получить возможность для самостоятельной, более свободной работы. Но материальные трудности были. Ковалевский поехал в Соединённые Штаты Америки.

Ковалевский был истинно счастливым в неподобных условиях жизни, чтобы в неподобных условиях заниматься труднейшим исследованием. Он работал почти 10 лет в науке своих путей. Задумав работу и очень интересную по палеонтологическим материалам В. О. Ковалевский поехал в Северную Америку. Там были открыты «кладбища» давно вымерших животных. Обнаружены скелеты животных, когда-то населявших землю, палеонтолог видел не мертвые кости, а новые звенья истории развития жизни.

Собрав богатый научный материал В. О. Ковалевский вернулся в Россию. Появление его труда жизни В. О. Ковалевский предпринимать строка высшего нежелания и в России и за границей. Киздоль, его работы, Ковалевский писал много лет плодотворнейшей деятельности. Исследованиями Ковалевского было много сделано. Но жизнь учёного оборачивалась трагически и нежданно. Он скончался в 1894 году, шестидесяти летнего возраста.

Поезд первой русской железной дороги.

РЕПЬ

ПЕСНЯ ИЗ КИНОФИЛЬМА
«СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ»

Слова Е. Долматовского

Музыка Николая Крыкова

Темп марш

Ты в летних зноб и в снегах светла и хо ро.

До ро же во ло та в го рах тво их си.

ша

нов тво их синов ду ша Си би ры Си би ры! Благо сла венный рус ской

а Пол на ты

край рус ской кра яны по том нов Ер на ка.

Ты в летних зноб и в снегах
Светла и хороша,
Дороже золота в горах
Твоих синов, твоих синов душа.

Сибирь! Сибирь!
Благословенный русский край,
Русский край,
Земля потомков Ермаков,

Полна ты хлебом золотым,
Железом и рудой,
И твой народ непобедим —
Строитель и герой.

Сибирь! Сибирь! и т. д.
Сибирь, страна прозрачных рек,
Повел советский человек
Сказанье о тебе!

Сибирь! Сибирь! и т. д.